

СВЯЩЕННАЯ
КНИГА ТОТА

ВЕЛИКИЕ АРКАНЫ ТАРО

АБСОЛЮТНЫЕ НАЧАЛА
СИНТЕТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ
ЭЗОТЕРИЗМА

Владимир Шмаков

Владимир Шмаков

**Священная Книга Тота. Великие
Арканы Таро. Абсолютные
начала синтетической
философии эзотеризма**

«Азбука-Аттикус»

1916

УДК 141.33
ББК 86.4

Шмаков В. А.

Священная Книга Тота. Великие Арканы Таро. Абсолютные начала синтетической философии эзотеризма / В. А. Шмаков — «Азбука-Аттикус», 1916

ISBN 978-5-389-21821-5

Ключевое произведение эзотерического учения, одна из самых громких книг начала XX века. Выдающийся философ, авторитет которого бесспорен для истинных искателей духовного знания, основатель Московской школы розенкрейцеров, создатель оригинальной эзотерической концепции, в самом известном своем труде, претерпевшем множество переизданий, анализирует значение древнейших символов Таро и аккумулирует опыт мистиков и выдающихся мыслителей разных эпох и цивилизаций. Мудрые изречения Сенеки. Спинозы. Джордано Бруно. Элифаса Леви, Гегеля, Шопенгауэра, Елены Блаватской и многих других образуют в его вневременном синтезе поразительное полотно, позволяя прикоснуться к тайнам бытия и человеческого сознания. Настоящее издание снабжено изображениями Старших Арканов Таро позднего Средневековья и Нового времени, начиная с колоды Висконти — Сфорца XV в. и заканчивая Таро Эттейлы XVIII в., а также другими уникальными историческими иллюстрациями. «Средь бурных волн всепоглощающего океана времени стоит недвижимо великий Памятник давно минувшего. Откуда он, где его родина, какой сверхчеловеческий гений дал ему силу противостоять всему — мы не знаем и, вероятно, знать не будем. Но его древность, древность баснословная сравнительно с жалким отрывком истории, ведомой нам, уже должна внушить благоговейное к нему отношение. Сколь же безмерно вырастает его величие, в сколь могучего гиганта он превращается, когда перед нашим восхищенным взором открывается, что кроме самой древности его жизни в этом Памятнике неисповедимыми путями сокрыты начала всех нитей от всех деяний человечества за всю его планетную жизнь? Этот памятник нам, европейцам, известен под именем Священной

Книги Тота — Великих Арканов Таро». (Владимир Шмаков) В формате PDF
А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 141.33

ББК 86.4

ISBN 978-5-389-21821-5

© Шмаков В. А., 1916

© Азбука-Аттикус, 1916

Содержание

Предисловие	7
Введение	25
О Вечной Истине и верховном синтетическом учении системы	26
Арканов	
I. О видах человеческого познания	26
II. Аркан как высшее проявление символизма	34
III. О геометрических методах исследования и метафизическом пространстве	39
IV. О системе и познании Арканов	41
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Владимир Шмаков
Священная Книга Тота
Великие Арканы Таро
Абсолютные начала синтетической
философии эзотеризма

© Издание, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2022
КоЛибри®

* * *

Каждое Откровение раскрывает целостный аспект Абсолютной Истины; его ядром является Доктрина Абсолютная по природе и исчерпывающая истину, свойственную данной расе, данному циклу истории. Совокупность этих Доктрин есть Верховное Абсолютное Учение об Истине Вечной. Поколения Исполинов мысли собрали воедино эти Доктрины, и неведомый нам Величайший Гений мира обобщил их в стройную систему, Великое Герметическое Учение, скрывавшееся на пути бесчисленных веков от толпы и дошедшее до нас в ореолах мифов под именем Священной Книги Тота, Великих Арканов Таро. Это величайшее наследие минувших веков, живой показатель того, что в пучине прошлого, в седой древности человечества, были достигнуты такие вершины Истины, о которых мы и подозревать не смеем, скрыто густым покровом эзотеризма. Книга Тота есть собрание символов, и достаточно однажды устремить свой умственный взор в их сущность, чтобы сразу почувствовать их великую ценность.

О Египет, Египет! – придет день, когда от твоей религии останется только сказка, сказка невероятная для твоих потомков; сохранятся лишь несколько слов, начертанных на камне, передающих память о твоих великих деяниях...
Гермес Трисмегист

Есть ли большее счастье, большая радость, чем обожать красоту, медленно встающую в далях невозможного?
Кальдерон

Я не в силах перечислить те ночи, которые, весь дрожа, я отдавал познанию непознаваемого.
Саади¹

Если бы Бог предложил мне на выбор в правой руке всю истину, а в левой единое вечное стремление к истине, соединенное с постоянными заблуждениями, я принял бы во внимание, что сама истина существует только для Бога, и почтительно попросил бы Его отдать мне то, что лежит в Его левой руке.
Г. Э. Лессинг

---

¹ Саади. Сад плодовый. Рассказы и поучения / Перевод с персидского Н. Урри. Издание Зин. Львовского, 1914. Саади – персидский философ. Описание его жизни и разбор творений см.: Холмогоров И. Н. Шейх Саади Ширазский и его значение в истории персидской литературы // Ученые записки Импер. Казанского ун-та 1865. Т. I.; а также Saadi Sh. Scroll of Wisdom.

Предисловие

Я не боюсь людей, ибо не жду и не желаю от них ничего.
Ж. А. Сент-Ив д'Альвейдр²

Культура конца XIX века, ее характер и первенствующие стремления суть следствия усилий и исканий человеческого рода за последние восемь-девять столетий. Крестовые походы и рост императорской власти положили предел теократическому направлению жизни Европы, явились заключительным актом эпохи, когда все зиждилось на исключительном стремлении к религиозным идеалам. Первые гуманисты, начиная с Франческо Петрарки и Джованни Боккаччо, положили основание новой эре, воздвигнув новое знамя, поставив новую цель человеческим стремлениям³. Круг друзей Козимо и Лоренцо Медичи, восприняв идеи Петрарки и Боккаччо, выработал начала мировоззрения, предначертывавшего весь последующий ход мировой истории. Поняв бесплодность метафизических изысканий, раз они не связаны с данными эмпирического опыта, гуманисты поставили своим девизом изучение прежде всего того, что может быть исследовано эмпирическим путем. Время расцвета гуманизма и успеха реформации есть начало современной науки, ибо все то, что составляет гордость технической культуры, было достигнуто человеком лишь начиная с XV века. Именно с этой поры все усилия человеческого рода всецело направились к изучению *отдельных* явлений, к исследованию *отдельных* вопросов и к созиданию *отдельных* отраслей человеческого знания⁴.

Так продолжалось до конца XVIII столетия, когда произошел великий перелом истории: от изучения *единичных* вещей человек перешел к стремлению познать их *синтез*, и век энциклопедистов в преемственной его связи со столпами эмпирической философии есть эпоха созидания человечеством синтеза всего познанного на пути предыдущих веков.

Однако, столь долго придерживаясь исключительно опытного пути, основываясь лишь на внешней, формальной стороне явлений, разум человеческий и теперь, естественно, стал искать синтез *в том же самом модусе сознания*, стремился найти *эмпирический синтез*, то есть непосредственно ощущаемую первооснову. Таковой первоосновой явилась *материя*, и это учение, обобщаемое со всеми различными его частными течениями, есть то, что известно под именем *материализма*.

XIX век — это эпоха, когда человек стремился утвердить свой гипотетический синтез, стремился выявить его во всей полноте, претворить в реальность и связать со всеми дифференциальными деталями. Этот век есть в действительности лишь заключительный аккорд долгого пути; именно в течение его человеческие искания вылились во вполне определенную форму, достигли, казалось, конечных ступеней своего развития. Настало время, когда, по всецело господствовавшему мнению, оставалось сделать лишь последние заключительные штрихи, чтобы закончить вполне величественный Храм Знания⁵. Это было грустное время, потому что *само знание человека начало давить его*. Все было так ясно, так определено, что вся будущая жизнь людей должна была, казалось, быть посвящена лишь скрупулезному анализу давно известных

---

² Saint-Yves d'Alveydre J. A. Mission de l'Inde en Europe. La question du Mahatma et sa solution. Paris, 1910.

³ См. Корелли М. Ранний итальянский гуманизм и его историография. Критическое исследование. Москва, 1892.

⁴ Поэтому глубоко справедливо замечание Виндельбанда, что «культура Возрождения началась в индивидуализме».

⁵ Эти мысли являются характерными большинству философов последнего времени. С особенной яркостью эти идеи развивались Огюстом Контom и Джоном Стюартом Миллем; см. также Тиндала в его «Фрагментах науки (Tyndall J. Fragments of Science. 1871. P. 362). Насколько наивно было заблуждение крайних позитивистов, особенно ярко свидетельствует хотя бы тот факт, что не прошло пяти лет с тех пор, как О. Конт, наметив пределы науки, поставил среди *ignotabimus* возможность изучения состава небесных тел, как был открыт спектральный анализ и огромная область неведомого и непостижимого делалась сразу хотя еще и неизвестной, но уже открытой постижению испытующего человеческого гения.

фактов. Отдельные открытия, изученные законы и вполне достоверные гипотезы так слились между собой, так проникли взаимно друг в друга, образовали столь совершенно замкнутое целое, что в будущем нечего было ждать сколько-нибудь значительных открытий. Большинство представителей почти всех отдельных отраслей знания человеческого открыто признавали, что век великих гениальных открытий кончен, что будущее истории науки будет лишено ярких красок, что оно будет представлять собой лишь гигантскую совокупность тщательнейших повторных опытов и детальных исследований. Дух живой отлетел от людей, жизнь потеряла всякую ценность, ибо хотя грандиозный успех позитивной науки и техники и давал все удобства жизни, но всем высшим запросам человеческого существа вовсе не оставалось места. Все, что есть в человеке чистого, высокого и прекрасного, этой культурой совершенно *игнорировалось*, за ним отрицалась всякая реальность, всякая субстанциональная ценность и лишь в лучшем случае *терпелось*, как забава и отдых, на различных «фабриках удовольствий»⁶. Идеалов не стало, ибо отрицалась самая возможность чего-либо высшего, чем сама жизнь. Тождественность природы синтеза с единичными явлениями породила коллективизм и поставила его на место синтеза; не только индивидуальность, но и личность исчезла; воцарилось царство толпы – этого естественного образа материального синтеза, пародии Синтеза Истинного⁷.

Несмотря на пышность формы созданного им знания, человек тем не менее непрестанно наталкивался на противоречия. Он не только откидывал, как иллюзию, даже реальность собственного самосознания, но и чувствовал вместе с тем, что все его знание навеки бессильно дать ответ на какой-либо вопрос, как только он касается *сущности явлений*. Человечество выстроило грандиозное здание на песке, на раздробленных единичных сведениях, не связанных между собой, оно приняло за основание мир явлений, забыв, что все части его вечно перемещаются по отношению друг к другу. Вот почему, когда извне сферы эмпирического опыта, из глубин духа человеческого, последовал удар, все величественное здание должно было пасть, смытое волнами, хлынувшими из внесознательной стороны человеческого существа⁸. Человек не сумел сразу создать истинный синтез, он выявил все следствия из начальных постулатов, но он и не пытался подвергнуть их самих анализу, затемняя вопрос или попросту открыто сознаваясь в своем бессилии. «*Все известно, все объяснено, все следует одно из другого, но все одинаково непонятно*» – вот лозунг минувшей эпохи.

Начало XX века – это переворот во всех отраслях человеческой мысли. Родилось непоколебимое стремление к анализу конечных причин, подверглись изучению все те первоосновы, все те постулаты, на которых зиждилась наука в продолжение столетий веков. Если Периодическая таблица Менделеева перевела химию в совершенно иную, несравненно более высокую плоскость, если внешнее родство элементов стало невольно наталкивать человеческую мысль на единство природы, то открытие радия нанесло смертельный удар всем бывшим дотоле основными космическим гипотезам. И вот в течение каких-либо 20–30 последних лет, за срок совершенно ничтожный в привычном масштабе истории, все основы науки пошатнулись в самых корнях своих. Если время и пространство, эти основные модусы мышления, были поколеблены Кантом, Шопенгауэром, Лобачевским и Риманом, то открытие принципа относительности Эйнштейном⁹ и теория М. Аксенова и Германа Минковского¹⁰ окончательно показали

---

⁶ См. Лебон Г. Психология социализма.

⁷ См. Демчинский Б. Сокровенный смысл войны. Петроград, 1915.

⁸ Именно об этом и говорит притча Христа о построении здания на песке и на камне (Мф. 7:24–27). Песок разрозненный и неспособный сохранять приданную форму есть олицетворение разрозненных случайных явлений феноменальной природы, камень есть эмблема твердости и устойчивости синтеза, который вместе с тем есть и источник отдельных манифестаций; они рождаются из него, как из камня рождается песок.

⁹ См. Хвольсон О. Д. Принцип относительности. СПб., 1914. – Открытие этого принципа относится к 1904–1905 гг.

¹⁰ М. Аксенов первый создал теорию о природе времени как четвертой координате протяжения. Идеи Аксенова претерпели ту же участь, как и все другие гениальные русские открытия, то есть были осмеяны и забыты. Так продолжалось до тех пор, пока Герман Минковский совместно с Эйнштейном не провозгласил новое учение на съезде естествоиспытателей

нелепость приписывания общепринятым воззрениям на них хотя бы доли реальности. Принцип относительности сделал невозможным самый приступ к учению о пространственности и протяжении во времени как о первичных категориях вселенной, а вместе с электромагнитной теорией света Максвелла он окончательно убил гипотезу об эфире¹¹. Материя потеряла субстанциональность своего бытия и претворилась лишь в кристаллизированную энергию через открытие радия и дематериализации материи¹². Учение об энергии пыталось одно время стать на место материалистических воззрений, но закон энтропии, в связи с бесконечностью вселенной во времени, своей собственной силой, логически делает невозможным само ее существование¹³. Таким образом, **у величественного здания материалистической науки XIX века, бывшего еще столь недавно, казалось, почти законченным, теперь выбиты все основания**¹⁴.

В настоящее время мы вновь переживаем время ломки старого научного здания, но такой ломки, которой не знает история науки и которая по обширности и основательности далеко оставляет за собой все прежние, все, которые выше были нами приведены в виде примеров. Эта ломка, этот неслыханный по своей грандиозности научный переворот прежде всего тем замечателен, что он почти одинаково затрагивает все отделы физики. Ни одна из частей великого научного здания, сооруженного работой нескольких столетий, не остается в прежнем ее виде; все они до основания разрушаются, вся физика заменяется новой. Но это еще не все! Разрушается не только наука, составляющая достояние сравнительно немногих, но в самом корне переисчисляются основные, элементарнейшие представления обыденной жизни, с которыми мы свыклись с малолетства, которые казались не подлежащими никакой критике, никакому сомнению. Разрушаются даже такие истины, которые никогда и никем не высказывались, не подчеркивались,

---

в Кёльне в 1908 г. и, таким образом, мысли нашего соотечественника не получили блистательнейшего подтверждения. Из трудов М. Аксенова см.: «Трансцендентально-кинетическая теория времени» (Харьков, 1896) и «Опыт метагеометрической философии» (М., 1912).

¹¹ См. знаменитый опыт Майкельсона и Морли, показавший постоянство скорости света вне зависимости от прямолинейного равномерного движения Земли. Работы Лоренца, Эйнштейна, Минковского, Планка и др. совершенно ликвидировали гипотезу об эфире. На русском языке см.: *Ла Роза*. Эфир – история одной гипотезы / Пер. Хвольсон под ред. проф. О. Д. Хвольсона. СПб., 1914.

¹² Из книг на русском языке о дематериализации материи см.: *Лебон Г.* Эволюция материи; *Лебон Г.* Эволюция сил / Пер. инж. Бычковского. Петербург, 1911; *Беккерель Ж.* Эволюция материи и миров / Пер. Г. А. Гуревича. Москва, 1913.

¹³ Закон Карно – Клаузиуса – основной принцип термодинамики был сформулирован последним (в 1865 г.) так: «Энергия вселенной постоянна, энтропия вселенной стремится достигнуть максимума». Наука XIX в. пришла к синтетическому выводу, что вся жизнь вселенной, все проявления ее энергии суть *следствия разностей потенциалов*. Закон энтропии выражается в том, что все формы энергии переходят в теплоту, которая уже не может быть *в принципе* целиком переведена обратно в механическую энергию. Теплота рассеивается в космическом пространстве, а потому *космическая совокупность разностей энергетических потенциалов постоянно уменьшается*. Материя есть гигантский резервуар кристаллизированной интраатомной энергии, но все же *конечный*. Если мир существует вечно, то вся совокупность энергии неминуемо должна была бы уже рассеяться. Очевидно, что в мире, кроме начала, ведущего энтропию к *максимуму* и вызывающего «смерть теплоты» (Warmetod, по выражению Клаузиуса), должно быть другое Начало, ведущее энтропию к *минимуму*, то есть вновь создающее разность потенциалов. Что же это за Начало? Наука XX в. остановилась на этом вопросе, и вот здесь-то к ней на помощь теперь должно прийти Герметическое учение об исходных причинах Бытия. Это Начало есть Дух, Истинная Субстанция, Бог. Энергия, теряемая разрушающимся миром, поглощается Космическим Логосом, и обратно, – падение и дифференциация Логоса есть создание материальной вселенной. Оба этих процесса вечны и непрерывны, взаимно друг друга обуславливают и утверждают. Доказательство этой доктрины и составляет цель настоящего труда; о значении закона энтропии в сказанном смысле см.: *Максвелл К.* Теория теплоты и *Джесонс У. С.* Основы науки.

¹⁴ *Пуанкаре А.* Новая механика и эволюция законов / Пер. Г. А. Гуревича. Москва, 1913.

потому что они казались самоочевидными и потому что ими бессознательно пользовались все и клали их в основу всевозможных рассуждений.

*Проф. О. Хвольсон*¹⁵

Наступающая эпоха бесконечно отлична от только что минувшей; она есть время перелома, подведения итогов, искания новых путей, выявления новых целей. Все виды мышления, все отрасли науки испытали полный внутренний переворот, они изменились настолько, что подчас с прошлым их связывает одно лишь название. Для человека, стоящего вонне этих новых идей, этот великий перелом всемирной истории проходит бесследно, но он не может не чувствовать его, ибо перевороту в сущности соответствует и переворот в форме. Развитие средств сообщения, падение влияния быта, общность форм жизни в различных государствах, уменьшение значения границ, попытки создания международного языка, интернациональность целого ряда организаций, обезличение властей, как центральных, так и местных, чрез видоизменение их в анонимные общества – все это является низшим, внешним отражением духовного стремления человечества к синтезу, к разрушению единичных форм. Великая война, заливающая мир океаном крови, сметающая народы и изменяющая всю жизнь на земле, есть лишь слабый отзвук той великой борьбы, которая происходит в сознании вселенского человечества при столкновении двух великих эпох, бесконечно разнствующих друг с другом.

По закону разделения исторического труда, один и тот же культурный тип, одни и те же народы не могут осуществить двух мировых идей, сделать два исторические дела, и если западная цивилизация имела своей задачей, своим мировым назначением осуществить отрицательный переход от религиозного прошлого к религиозному будущему, то положить начало самому этому религиозному будущему суждено другой исторической силе.

*В. Соловьев*¹⁶

Наше время – это сближение того, что еще так недавно казалось совершенно противоположным, навеки разделенным непримиримостью противоречий. Наука и религия, столь долго имевшие лишь потенциальную связь через философию, теперь все больше сходятся между собой и с удивлением констатируют единство мировоззрений. Как в области позитивных исканий разум стал уходить вглубь, в искание синтеза, так и в религиозной сфере люди стали уходить в мистицизм, в сокровенную сущность религиозных учений. Конечный синтез не может не быть единым, а потому конечный мистицизм и конечный научный синтез оказываются неразрывно связанными друг с другом; оба они выливаются в абсолютное учение, единое, но различно преломляющееся в научный разум и разум религиозный.

«Тайны природы, – говорит иерофант Фракии, – те же, что и тайны религии, и может существовать лишь единая доктрина, ибо существует лишь один принцип существ. Мы чувствуем импульсом нашего гения, что человек рожден для познания, но мы также должны читать природу и качества существ по их оболочкам. Уметь читать эти знаки есть первая степень науки. Но эта природа и эти качества имеют сходство между собой, что надо также уметь понимать, и эти знаки более трудны для чтения, что составляет вторую степень науки; но обнажить существа от их оболочек, видеть их такими, каковы они есть, – это последняя степень науки, и мало кто этого достигает. Тогда только человек делается могущественным и в словах, и в трудах»¹⁷.

Раскол между религией и наукой, основание которому было положено гуманистами, достиг высшего расцвета своего в конце XIX века; именно в это время позитивизм и мисти-

---

¹⁵ Принцип относительности. С. 6–7.

¹⁶ Соловьев В. Чтения о Богочеловечестве. Т. III, с. 14.

¹⁷ Aucler G.-A. La Tréïcie, ou la seul voie des sciences divines et humaines. P. 246.

цизм стали противоположными полюсами человеческого мышления, не только объявившими войну друг другу, но и начавшими вовсе друг друга игнорировать, что и является, конечно, высочайшей степенью непримиримости.

Единство конечной истины не может не выливаться в общую однообразность путей к ней приближения; при всей многообразности отдельных форм вся их совокупность не может не быть проникнута внутренним единством, сказывающимся в стройности и гармоничности совокупной системы всех отдельных путей. Позитивизм и мистицизм в своих конечных степенях развития приводят нас к познанию двух сторон человеческого духа, двух методов его самоутверждения. Как тот, так и другой в своей истинной природе представляют собой осуществление основного стремления духа человеческого познать себя как в сущности, так и в закономерности своей дифференцированной природы. Будучи в этом аспекте сознания тождественными, они являются в другом аспекте противоположными друг другу.

Позитивизм есть стремление человеческого духа познать себя в синтезе дифференциальной природы, созданном путем внешнего опыта в мире явлений. В силу этого внешняя форма позитивного познания всегда объективна, то есть, иначе говоря, данные, критерий и сама закономерность заключений в нем всегда непосредственно основываются и проистекают из истины внешней – **мира явлений**. В полную противоположность этому *мистицизм есть стремление человеческого духа познать себя в синтезе дифференциальной природы, путем внутреннего опыта, то есть последовательным отождествлением отдельных аспектов своего «Я» с явлениями внешнего мира и утверждением последних как феноменов, проистекающих из нуминального духа и по сему имеющих лишь иллюзорное бытие по закону среды.* В силу этого внешняя форма мистического познания всегда адекватна, то есть, иначе говоря, данные, критерий и сама закономерность заключений в нем всегда непосредственно основываются и проистекают из истины внутренней – из непосредственного **самосознания духа**. Оба вида самосознания взаимно дополняют и утверждают друг друга; в отдельности каждый из них имеет лишь относительную свободу, ибо развитие сознания духа в двух соответствующих аспектах стремится быть параллельным и допускает лишь дифференциально малые колебания. Совершенный человек должен одинаково следовать по обоим путям, совмещая их в полной гармонии. Истинный Маг одинаково всеведущ как в области мистики, так и в области позитивных знаний, и именно совмещение этих двух течений человеческой мысли есть признак, определяющий само понятие о Маге¹⁸. Будучи в своей истинной природе неразрывными, позитивизм и мистицизм в лице своих представителей через обоюдное непонимание разошлись между собой. В сущности говоря, это расхождение было только видимым, иллюзорным, ибо от человека не зависит сущность явлений, и он может изменять лишь кличку. Уйдя целиком во внешнюю форму этих основных течений человеческой мысли и не желая не только воспринимать, но и даже слышать другого учения, представители позитивизма и мистицизма породили каждый в их собственной среде разделение, вполне подобное тому, которое утверждает позитивизм и мистицизм в области самого духа.

Первоклассные представители позитивной науки не могли не чувствовать мистического пути, но эти свои переживания они или вовсе скрывали, или оставляли в неразработанной форме; таковы, например, Ньютон, Паскаль, Кеплер, Декарт и многие другие. «Лишь малое знание удаляет от Бога, большое вновь приближает к Нему», – сказал первый из них, и этим запечатлел общеизвестный исторический факт, что все великие люди науки и истории были

---

¹⁸ Греческое μάγος, «маг», происходит от зендского mog, mogbed или mobed. Mog значит «священнослужитель» на пехлеви, или среднеперсидском, – языке, который заменил зендский язык в маздеизме в эпоху Сассанидов (Kleuker. Zend-Avest. V. II. P. 3). На зендском языке mēh, mah, произносимое megh, magh, значит «великий», совершенный (Anquetil-Duperron A. H. Zend-Avesta. Paris, 1771. V. II. P. 555). Тот же корень мы видим в халдейском языке: map значит «могучий», «всеведущий» (Fabre d'Olivet A. Histoire Philosophique du Genre Humain. Paris, 1910. P. 307–308).

людьми верующими. Эти гиганты позитивной мысли представляют собой *мистический полюс позитивизма*.

Второстепенные работники в области позитивных наук сплошь да рядом запутывались в грандиозности и многообразности мира явлений и забывали среди этого многообразия даже о своем собственном ищущем духе. Если титаны науки, во всеоружии знания, стремились подняться к нему, то ее ремесленники порой начинали видеть небо там, где оканчивалась чувствительность их измерительных приборов. Они не поняли природу синтеза, воспринимаемого чрез беспрестанное увеличение глубины понятий и переход к высшему по аналогии, без нарушения природы категорий, они сочли за синтез *суммарность*, они определили его как агрегат единичных законов. Сюда относятся представители quasi-рационалистических школ материализма и атеизма, как, например, Бюхнер¹⁹, Геккель²⁰, Штраус²¹ и другие; в своей совокупности они и представляют *позитивный полюс позитивизма*.

Истинные носители мистического знамени, познававшие мир непосредственным духовным сознанием, истории неизвестны. Их величие и истинная жизнь раскрываются лишь из эзотерических преданий и символов, из того несказанного обаяния, которое эти адепты имели, как в свое время, так и на пути последующих веков, на все человечество; таковы неведомые мудрецы Гималаев и таинственные иерофанты Египта. Мы не знаем их собственной жизни, их собственных стремлений и достижений, но по грандиозности их светящего влияния на человечество мы можем мысленно представить себе всю необъятность их собственного величия. Они жили вне и над жизнью, но ничто не проходило без их таинственного влияния, они постигли вполне великий дар незримого управления умственной жизнью человечества чрез ослепительный блеск возведенных ими скрижалей Вековечной Правды. Эти истинные адепты мистицизма представляют его *положительный полюс*.

Подобно позитивизму, среди мистиков последних веков огромное большинство всецело погрузилось в мир явлений. Но несмотря на тождество изучаемой ими природы, позитивисты позитивизма и позитивисты мистицизма подходили под различными углами зрения. Зная дух и всеобъемлемость его царствования, мистики не могли всецело увлечься формами и явлениями, но вместе с тем они подчас невольно забывали свою конечную цель и целиком силы свои посвящали разработке конкретных вопросов. Идя дедуктивным путем, мистики переходили к изучению дифференциальной природы и настолько увлекались ею, что их исследования теряли всякую связь с синтезом, и, с внешней стороны, они стали вполне подобными узким позитивистам. Сюда относится громадное большинство как средневековых, так и современных мистиков; в своей совокупности они и представляют собой *отрицательный полюс мистицизма*.

Резюмируя изложенное, мы видим, что представители эволюционирующей человеческой мысли разделились на четыре большие группы, чрез расчленение позитивизма и мистицизма, в свою очередь, на два полярно противоположных полюса. Низшей группой являются представители позитивного позитивизма, затем следует мистический позитивизм, потом позитивный мистицизм и, наконец, мистический мистицизм.

Представители позитивного позитивизма потерпели полное фиаско силой самого хода эволюции позитивной науки, как мы это показали в начале настоящего предисловия. Можно сказать, что эта группа существует лишь в историческом прошлом, теперь ее вовсе нет, и сомневаться в этом может лишь тот, до чьих ушей не дошли величайшие открытия человеческого гения за последнюю четверть века. Школа позитивного мистицизма открыто стала провозглашать то, что еще так недавно осмеивалось самовлюбленным невежеством. Соединив в себе весь опыт позитивных изысканий человечества, эта школа вместе с тем идет пол-

---

¹⁹ Бюхнер Л. Сила и Материя / Пер. Н. Полилова. СПб., 1907.

²⁰ Геккель Э. Борьба за свободу мысли. СПб., 1907.

²¹ Штраус Д. Ф. Старая и новая вера. СПб., 1906.

ным ходом к слиянию с адептами мистицизма. Целый ряд известных ученых убеждены только одной логикой своих опытов в реальности многого из сферы мистики; таковы, например: Крукс и Рассел Уоллес в Англии, Карл Дюпрель и Цельнер в Германии, Эдланд и Турнебон в Швеции, Ломброзо в Италии, Фламарион, де Роша и Гюстав Лебон во Франции и много других. Если Крукс со своей Кэти Кинг еще мог быть осмеян за то, что при свете позитивного знания он открыто рискнул коснуться области Неведомого, то ныне такие блестящие представители науки, как Резерфорд, Уильям Рамзай²² и Содди, открыто занимаются исследованием превращений химических элементов и самой дематериализации материи, то есть исполнением заветной мечты алхимиков, окруженные почтительным молчанием позитивистов мира.

Мне хочется указать на то, что духовный мир культурного человека ныне отделяется от его научного кругозора; что как в былое время рамки религиозной догматики были слишком узки для вмещения человеческого знания, так ныне догматика научного материализма слишком тесна для вмещения всех чувств и потребностей человека. А потому, как религиозные данные растягивались и выпирались, чтобы дать место открытиям геологии или астрономии, так и ныне заключения материалистической науки растягиваются и выясняются, чтобы дать место таким чувствам и стремлениям, игнорировать которые уже нет возможности.

*В. Г. Майерс*²³

Если позитивный позитивизм уже окончательно выполнил задачу свою и потому ушел в царство теней, то мистический позитивизм еще сохраняет жизненность, заканчивая свою миссию, однако и его дни уже сочтены. Мистицизм средних и новых веков в Европе вылился в совершенно особую форму, присущую лишь ему одному и резко отличающую его от мистицизма Древнего мира. Первое, что прежде всего бросается в глаза, – это отсутствие самодовлеющей философии. Если история древности есть история философских систем, то, наоборот, весь европейский мистицизм проникнут привязанностью к семитической космогонии, поистине достойной лучшей участи. Европейским мистицизмом не было создано ничего самобытного, так и того, что хоть сколько-нибудь относилось к миру причин. Он не только забыл всю многокрасочность древних эзотерических учений, но даже потерял память о философско-религиозных системах Индии, дойдя до полного игнорирования всего, что не заключалось в *мистицизме гебраизма*²⁴. Все усилия средневековых и новейших мистиков сводились к разработке конкретных вопросов, единичных теорий, но и эти изыскания они неведомо зачем покрывали столь густым покровом эзотеризма, что воистину можно сказать – легче самому воссоздать любую из мистических теорий, чем расшифровать многотомные и туманные фолианты новейших мистиков²⁵.

При сравнении между собой дошедшего до нас древнего мистицизма, хотя бы Пуран и Упанишад Индии, с темными хитросплетениями Парацельса, Постеля, Этейлы и других невольно бросается в глаза, что, в то время как древность гласит как живой глагол, власть имеющий, так, наоборот, у новейших мистиков дух живой давно отлетел. Трепетно жаждавший конечной и абсолютной Истины, древний индус уходил в недра своего чистого духа, сокращал все свое существо в единый волевой синтез, забывал свою личность и на могучих крыльях

---

²² См. его новейшие исследования над эманацией радия и превращением меди в литий.

²³ Myers W. H. Introduction to Phantasms of the living. Published by the London Society for Psychical Research.

²⁴ См. Blavatsky H. P. La Doctrine Secrète. Synthèse de la science, de la religion et de la philosophie. Paris, 1909. Vol. 5. P. 179–181.

²⁵ «Это все равно что вылавливать драгоценный жемчуг из соленой и мутной воды. Его, правда, находишь, но приходится выискивать его при слишком уже странных и докучливых условиях» (Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками / Пер. под ред. проф. А. И. Введенского. СПб., 1913. Т. 1. С. 93).

гордого самосознания своего «Я» воспарял в безбрежный океан Единого Вселенского Духа, грезящего о Своей Майе, вечно изменчивой, вечно трепещущей совокупности бесконечных свойств, потенциальных форм» – различных модусов Его Самосознания. Индус отвергал все, он искал одну лишь Реальность, он стремился к ней, и он ее находил! Древний индус, как и древний египтянин, своим духом плавал в вечности, он наслаждался счастьем предвосхищения конечного достоинства Божественного Совершенного Человека, себя во всем сознавшего, себя во всем утвердившего, от всего отрекшегося, погрузившегося в Ничто и ставшего Всем. Индусы и египтяне любили науку, но их знание было самой жизнью; отвергая форму в принципе, они умели реализовать свои воззрения, и могучим духом своим они свели ее в иллюзию совершенную. Их наука, их знание были оплотом свободы, они наполняли их дух простором великим, давали ключ к реальным законам, давали реальную власть.

Даже самая возвышенная философия европейцев, идеализм разума, выдвинутый греческими философами, кажется в сравнении с обильным светом и силою восточного идеализма какой-то маленькой Прометеевой искрой, слабой, дрожащей и всегда готовой погаснуть среди целого наводнения божественного сияния полуденного солнца.

К. Шлегель

Веданте принадлежит особое, единственное место между системами философии всего мира. Возвысив «Себя» человека или истинную природу Эго, веданта связывает его с Сущностью Божества, Которое безусловно Непорочно, Совершенно, Бессмертно, Неизменяемо и Одно. Ни один философ, ни даже Платон, Спиноза, Кант, Гегель или Шопенгауэр не достигли такой высоты философской мысли... Ни один из философов, не исключая Гераклита, Платона, Канта или Гегеля, не отважился воздвигнуть такой высокий монумент, на вершине которого уже не страшны ни бури, ни молнии. Камень следует там за камнем в строгой последовательности, после того как однажды первый шаг был сделан, после того как однажды ясно было усмотрено, что вначале мог быть только Один, подобно тому, как и в конце будет только Один, назовем ли Его Атманом или Брахманом.

М. Мюллер

Нет ничего более возвышенного и благотельного для человечества, чем изучение Упанишад. Они были утешением в моей жизни и будут утешением в моей смерти.

А. Шопенгауэр

Европейские мистики нашей эры были истинным олицетворением бессилия. Из уст в уста они передавали древние как мир тайны, старательно оберегая их от непрошенных любопытных взоров, наивно и дерзновенно думая, что сохранение истины и незапятнанность ее грубыми руками невежд может зависеть от их личных действий. Таинственность превратилась для них в забаву; эзотеризм всякой истины, как естественного удела лишь призванной аристократии духа, был понят ими как скрывание клада от хищников; они сберегли этот клад, но годы пребывания его в земле сделали свое дело, и когда они попытались впервые отрыть его, то невольно убедились, что все истлело. Скрывая, они могли скрыть лишь от себя самих, они сделали это и поэтому стали посмешищами своего рока.

Религия разделяется на внешнюю и внутреннюю, равно и школы Премудрости разделяются на внешние и внутренние; внешние владеют буквой иероглифов, а внутренние – духом и смыслом; внешняя религия соединяется с внутренней обрядами, внешняя школа мистерий соединяется с внутренней

иероглифами. Сыны Истины! Существует лишь Единый Орден, Единое Братство, Единый Союз Единомышленников, цель которых овладеть Светом, и только неразумие воздвигло из этого центра бесчисленное множество орденов. Множественность лежит в обрядах внешнего, а Истина только во внутреннем. Многочисленность братств зависит от разнообразий иероглифических толкований, согласно времени, нуждам и обстоятельствам; истинное же Собратство Света может быть только Единым. Всякие ошибки, всякие расколы, веяния, недоразумения, все, что в религиях и тайных обществах дает повод к стольким заблуждениям, относится исключительно к букве, а дух остается неприкосновенным и святым. Все это относится к внешнему покрову, на котором написаны иероглифы, церемонии и обряды, и нисколько не касается внутреннего. Наше желание, наша цепь, наша обязанность – оживить всюду мертвую букву, всюду придать душу иероглифам, а безжизненным знакам живую истину, всюду сделать бездеятельное деятельным, а мертвое живым. Но все это мы способны совершить не сами по себе, а духом того света, который является Премудростью, Любовью и Светом Мира и который желает стать нашим духом и нашим светом. До сих пор самое внутреннее святилище было отделено от храма, а храм осаждался находящимися в преддверии; наступает время, когда внутреннейшее святилище должно соединиться с храмом, чтобы находящиеся в храме могли воздействовать на тех, кто в преддверии, пока преддверия не будут отброшены вовне. В нашем тайном святилище все мистерии Духа и Истины сохранились в чистоте, и никогда оно не могло быть осквернено профанами или запятнано нечестивыми. Святилище это невидимо, как невидима сила, познаваемая лишь по ее действию. В нашей школе можно всему научиться, ибо Наставник нам – это Сам Свет и Его Дух. Наши науки это наследие, обещанное избранным или тем, кто способен получить Свет, а знание наших наук есть полнота Божественного Союза с детьми людей.

*К. фон Эккартсгаузен*²⁶

В мире нет ничего нового, человеческая цивилизация движется по спирали, и из века в век люди проходят по тем же самым путям, лишь различно расцветая их согласно своим индивидуальным особенностям. Известная нам история охватывает ничтожную часть истинной, полной истории; она не сохранила памяти о минувших блистательных эрах и деятельности человечества как в мире духа, так и в мире разума. Истина и стремление к ней человека вечны; как реальность, она не может не быть единой. Вот почему Высшее Ведение, почерпнутое из потаеннейших областей духа, не может зависеть от внешних условий; незыблемость сущности должна выливаться в незыблемость в разуме. Учение об истине на пути веков было преемственно, оно пережило не только расу, впервые поднявшуюся до него, но и самую память о ней; из века в век оно хранилось служителями своими, которые суть истинные представители аристократии духа. Запечатленное в символах, оно дошло до нас в древнейшем памятнике мысли человеческой, происхождение которого теряется в тумане времени. Этот памятник – Священная Книга Тота²⁷, Великие Арканы Таро.

Через завесу всех иерархических и мистических аллегорий древних учений, сквозь мрак и причудливые испытания всех Посвященных, за печатью всех Священных Писаний на развалинах Ниневии и Фив, равно

---

²⁶ Эккартсгаузен К. Ключ к таинствам природы. СПб., 1821.

²⁷ Тот есть олицетворение Божественной Премудрости, он есть «Бог письмен», «Владыка Божественных Словес», «Владыка Истины» – см.: *Leblois L. Les Bibles et les Initiateurs religieux de l'Humanité. Paris, 1885. V.3. P. 434.*

как на изъеденных временем камнях древних храмов, на почерневших лицах сфинксов Ассирии и Египта, в чудовищных или чудесных рисунках, переводящих для верующих Индии священные страницы Вед, в странных эмблемах наших старых алхимических книг, в церемониях приема, практиковавшихся всеми таинственными обществами... повсюду мы находим следы Единой Доктрины, повсюду тождественной, повсюду тщательно скрываемой... Оккультная философия, по-видимому, была кормилицей или крестной матерью всех религий, тайным рычагом всех интеллектуальных сил, ключом ко всем Божественным таинствам и абсолютной властительницей общества в години, когда она была исключительно предназначена для просвещения первосвященников и царей.

Она царила в Персии вместе с магами, которые погибли, как погибают повелители мира, злоупотребившие своим могуществом; она одарила Индию самыми чудесными преданиями и невероятной роскошью поэзии, прелести и ужаса своих эмблем; она просветила Грецию при звуках лиры Орфея; в смелые вычисления Пифагора она вложила конечные принципы всех наук и всех успехов человеческого духа, она исполнила сказку своими чудесами; история, как только бралась за изучение этого неведомого могущества, сама претворялась в сказку; своими оракулами она потрясала или утверждала империи, заставляла бледнеть тиранов на их тронах и господствовала над всеми умами, маня своей таинственностью или преклоняя их страхом. Для этой науки, говорила толпа, нет ничего невозможного: она повелевает элементами, знает язык звезд, луна на ее зов падает кровавой с неба, мертвецы встают из своих могил, повторяя замогильный шепот ночного ветра, проносящегося чрез их черепа. Властительница любви и ненависти, наука может доставить по своему желанию рай или ад сердцам людей; она всецело располагает всеми формами и распределяет, как ей угодно, красоту и безобразие; при помощи палочки Цирцеи она превращает также людей в скотов и животных в людей, она располагает даже жизнью и смертью и может доставить своим адептам богатства посредством превращения металлов и бессмертия при помощи своей квинтэссенции и своего эликсира, составленного из золота и света. Вот чем была Магия от Зороастра до Манеса, от Орфея до Аполлония Тианского, до того как позитивное христианство, восторжествовав наконец над прекрасными мечтаниями и грандиозными стремлениями александрийской школы, осмелилось публично поразить эту философию своими анафемами и таким образом заставило ее стать еще более скрытой и таинственной, чем когда бы то ни было прежде.

*Э. Леви*²⁸

Бесчисленные поколения людей отошли в вечность с тех пор, как человек впервые сознал свое царственное на земле достоинство. Самые имена племен и народов заволоклись постепенно веками и исчезли в их тьме. Всепоглощающее время вычеркнуло навсегда из нашего сознания даже мысль о возможности устремить наш умственный взор в седую древность человечества. Справедливо сказано, что если история человечества длится сутки, то мы едва ли знаем последние пять секунд. Египет, Китай, Вавилон и Индия – вот пределы, за которые не может проникнуть пытливый глаз историка. Былины, легенды и мифы освещают еще несколько тысячелетий в глубь веков, – затем все заволакивается непроглядной тьмой. Бесчисленное множество раз, даже за сравнительно ничтожный период известной нам мировой истории, изме-

---

²⁸ Lévi É. Dogme et Rituel de la Haute Magie. Paris, 1861. P. 63–65.

нялись клички народов, иссякала и вновь возникала юная кровь, создавалась культура и вновь разрушалась. Как в калейдоскопе, сменялись поколения людские с мыслями, надеждой и верой и вновь уходили в область забвения. Ничто не оставалось неподвижным, все варьировалось, все изменялось. Волны людские смывали, растворяли в себе, а подчас и совсем уничтожали предшествовавшие цивилизации, катились неудержимо, слабели и затухали. Ничто не вечно, все проходит, все забывается.

Бурное море своими волнами, вечно бурлящими, гордыми и могучими, неустанно изменяет лик земли: скалы рассыпаются в песок, спокойно лежащий на дно, горные вершины исчезают в пучине. Но и само могучее море иногда встречает отпор в своем неудержимом стремлении. Вот встречает оно мощную грудь вулкана; с ревом несутся бешеные волны, гибнет все вокруг, самые скалы – подошвы гиганта – колеблются; кажется, еще немного, и наступит его неизбежная гибель. Но вот, как бы проснувшись, вздохнет своей грудью вулкан и из недр его поднимутся волны лавы, – и снова он делается грозным и непреодолимым. А между тем вокруг море продолжает свою работу; новые и новые земли захватывает оно, и через несколько тысячелетий вся страна опускается на дно морское; один вулкан остается недвижим и все растет. Забудется имя страны, с недоумением будет встречать мореплаватель гиганта, но если он будет достаточно пытлив, смел и настойчив, то в слоях пепла он найдет остатки былых времен и сможет постигнуть историю злосчастной страны.

Так, среди бурных волн всепоглощающего океана времени стоит недвижимо великий Памятник давно минувшего. Откуда он, где его родина, какой сверхчеловеческий гений дал ему силу противостоять всему – мы не знаем и, вероятно, знать не будем. Но его древность, древность баснословная сравнительно с жалким отрывком истории, ведомой нам, уже должна внушить благоговейное к нему отношение. Сколь же безмерно вырастает его величие, в сколь могучего гиганта он превращается, когда перед нашим восхищенным взором открывается, что кроме самой древности его жизни в этом Памятнике неисповедимыми путями сокрыты начала всех нитей от всех деяний человечества за всю его планетную жизнь? Этот памятник нам, европейцам, известен под именем Священной Книги Тота – Великих Арканов Таро.

Многие десятки веков тому назад царствующая ныне на земле белая раса получила от своей предшественницы это великое наследие, этот великий синтез знания человека и доступного его гению Откровения Божественного. Она по достоинству оценила его, и этот Памятник Божественной Мудрости лег в сущность всех Посвящений. Эта великая основа проявляется в каждой религии постольку, поскольку она возвышается над дифференциальными частностями, возносится над условиями быта и времени ее народа и выявляет из своего существа отблеск абсолютного учения о вечной истине.

Все религии сохранили память об одной первичной книге, написанной иероглифами мудрецами первых веков мира, символы которой, будучи впоследствии упрощены и вульгаризированы, послужили Писанию буквами, Слову – категориями, а оккультной философии – ее таинственными знаками.
*Э. Леви*²⁹

Есть лишь единый Закон, единый Принцип, единый Агент, единая Истина и единое Слово. То, что вверху, по аналогии подобно тому, что внизу. Все, что есть, есть – результат количеств и равновесий. Ключ затаенных вещей, ключ святилища! Это есть Священное Слово, дающее адепту возвышенный разум оккультизма и его тайн. Это есть квинтэссенция философий и верований; это есть Альфа и Омега; это есть Свет, Жизнь и Мудрость Вселенские... Древность этой книги теряется в ночи времен. Она индийского происхождения и восходит до эпохи несравненно более древней, чем время Моисея. Она написана на отдельных листах,

---

²⁹ Ibid. P. 221.

которые раньше были сделаны из чистейшего золота и таинственных священных металлов... она символична, и ее сочетания обнимают все чудеса духа. Старая с бегом веков, она тем не менее сохранилась – благодаря невежеству любопытных – без изменений в том, что касается ее характера и ее основной символики в наиболее существенных частях.

Эти строки цитирует Е. П. Блаватская в своей «Тайной Доктрине» с какого-то манускрипта о Таро – Священной Книги Еноха³⁰. Относительно замечания об индийском происхождении Таро Блаватская пишет следующее:

Говорят, что Таро «индийского происхождения», потому что оно восходит к первой подрасе Пятой Расы – Матери, до окончательного разрушения последнего остатка Атлантиды. Но если оно встречается у предков первобытных индусов, то это не значит, что оно впервые возникло в Индии. Его источник еще более древен, и его след надо искать не здесь, а в *Himaleh*³¹, в Снежных Цепях. Оно родилось в таинственной области, определить место нахождения которой никто не смеет и которая вызывает чувство безнадежности у географов и христианских теологов, – области, в которой Брахман поместил Свою *Kailâsa*, гору *Meru* и *Parvati Pamir*, извращенный греками в Парапамиз³².

Истина одна, но к ней можно подходить различными путями, и мы, естественно, должны выбрать путь наиболее доступный. В наиболее чистой форме Божественная Доктрина, вложенная в Великие Арканы, покоится в Посвящении страны иерофантов. Здесь именно они были выражены с наибольшей отчетливостью сознания их величия, они были действительной основой всей религии, в то время как в других странах они были сокрыты покрывалом эзотеризма. Вместе с тем учение священной страны Кеми само по себе более доступно испытующему духу нашему, ибо вся европейская культура развивалась под его влиянием, чрез посредство семитического Откровения, иудейства и христианства и чрез мистицизм оккультных течений Запада, которые источником всех своих знаний открыто почитали учение Гермеса Трисмегиста, Великого Посвященного, Основоположника египетской науки и Посвящения.

С нашествием Камбиза великолепие Египта отошло в область предания. Несколько месяцев подряд победоносное войско тем только и занималось, что, раскалив сначала при помощи костров пилоны и статуи, обелиски и барельефы, вековые творения гения египетского, затем поливало их холодной водой, чтобы добиться их разрушения на такие осколки, которые затем, будучи развезены в разные стороны, могли бы быть без особых усилий бесследно уничтожены. Во всей долине Нила не осталось ни одного храма, ни одного памятника, которого бы не коснулась рука этого непреклонного исполнителя воли судеб.

Несмотря на все их усилия, победители разрушили только то, что должно было быть разрушено. Деяния рук человеческих погибли, но дух древних иерофантов продолжал жить, таясь в недоступных убежищах. С воцарением Птолемея Египет еще раз развернул свою древнюю мощь, и чудо света, Александрийский маяк, как издревле сфинкс, стал эмблемой страны вечного стремления, блистающим светом своим озарявшей весь мир на пути столетий. Но пришел час, предначертанный судьбой, и наступил конец всему. Среди диких воплей черни и иступленных выкрикиваний фанатиков, выдававших себя за лучших служителей Бога-Света, пал древний Серапис, оплот египетской мудрости. Теон и Ипатия запечатлели кровью своей беззаветную преданность знанию на ступенях александрийского храма Мудро-

---

³⁰ La Doctrine Secrète. V. 3. S. IX.

³¹ Возможно, что Покок вовсе не сделал ошибки, производя немецкое *Himmel* (небо) от слова *Himâlâya*, и нельзя отрицать, что индусское слово *Kailâsa* (небо) есть отец греческого слова *κοῖλον* (небо) и латинского *Coelum*. – Прим. Е. П. Блаватской.

³² Ibid. Vol. 5. P. 105–106.

сти, ставшего последовательно добычей фанатических орд Омара и епископа Феофана³³. Полгода горели на площадях костры и топились бани сотнями тысяч папирусов, повествовавших о минувшей жизни людей, их стремлениях, их знаниях и их открытиях. Светивший тысячелетия свет из древней священной страны померк; Египет, его всемирная слава, его величие и знание безмерное погрузились в область забвения, ушли туда, откуда уже нет возврата.

Истина и стремление к ней человека вечны; нет в мире силы и быть такой не может, которая могла бы их превозмочь; весь мир мог погибнуть, и в наступившей калиюге мог остаться лишь один человек, но и тогда Истина продолжала бы кротко сиять в его сердце, а дух его продолжал бы к ней пламенно стремиться. Погиб весь блеск Египта, погибли храмы, погиб оплот мудрых, живших стремлениями вне жизни земной, – наука о Вечной Истине погибнуть не могла, она бессмертна, и волны людского безумия не могли ее поколебать! В ослеплении объявляя войну Небу, человек этим лишь сам изгоняет себя из его пределов; Абсолютное и Вечное непрестанно озаряет все вокруг Себя, – слабая воля людская ни на йоту не может ослабить или изменить Его Бытие и Свет; в ее власти – лишь степень восприимчивости самого человека. Когда дух его чист и ясен, он может невозбранно приближаться к Свету, и Истина предстает пред ним в неопишемом великолепии Своей Первородной Чистоты. В годину падения, когда помутившийся или еще спящий разум оказывается не в силах сдерживать беснующихся страстей, человек теряется в их сатанинском хаосе и сам сковывает себя по рукам и ногам. Светлый лик Иисуса, объемлющей все в Себе, отражает тогда для его взора лишь свистопляску его безумств и мучений во всей дерзновенности их уродливости. Видя это и чувствуя внутренне правдивость осуждения, человек бросается в бездну с еще большим неистовством, наивно думая найти себе этим покой. Первые века христианской эры – это, с одной стороны, повальное восстание рабов, а с другой – появление на арене мира варварских полудиких народов. Античный мир быстро склонялся к закату, а с ним уходили и его боги, его наука и его тайны. Внешним образом все погибло, но в действительности эта катастрофа была только кажущейся. На лик Иисуса, Богини Истины, спустилась вуаль еще более темная и непрозрачная, чем когда бы то ни было прежде. Открыто проповедовавшееся знание укрылось в символах, легендах и мифах, и, уйдя таким образом от взоров толпы, оно пережило гордое царство фараонов и распространилось по всему миру.

Одежды Истины меняются, но сама Богиня и Ее Дух непоколебимы и
вечно испускают лучи под временными изменениями букв.
*С. де Гуайта*³⁴

Прошло лишь несколько десятков лет, и дети полчищ Омара создали великолепный Арабский халифат. Гарун аль-Рашид, Ибн-Юнус, Насреддин, Сабит ибн Курра и Сулейман стали все силы свои устремлять к тому, чтобы восстановить величие александрийской науки. С победой Тарика мусульманские владения стали надвигаться и на Европу; хотя Карл Мартелл при Пуатье и положил предел их политическому распространению, все же веяние арабского гения проникало далеко, и странствующие философы, алхимики и астрологи распространяли обрывки знаний повсюду, пока лютое подавление альбигойцев не заставило ищущих Правды начать скрывать свои стремления густым покровом тайны.

Герольды и трубадуры, странствующие рыцари и монахи нищенствующих орденов разносили отзвуки эзотерического мистицизма повсюду, от турниров гордых вассалов до скромных жилищ простого народа, иерусалимские войны еще более укрепили связь с сарацинами, и если на Западе Крест восторжествовал над Луной, то на Востоке мистические искания повергли в прах даже пламенный фанатизм крестоносцев. Рыцари Храма, на пути целых веков, на ост-

---

³³ Александрийская библиотека, частью сожженная Цезарем в 48 г. до н. э., была почти совершенно уничтожена христианами в 390 г. н. э. и окончательно dokonчена Омаром в 640 г. н. э.

³⁴ *Guaita S. de. La Clef de la Magie Noire. 1897.*

рове Мальта, стали открытыми искателями в области Неведомого, и самая казнь Жака дю Молле у Сен-Антуанских ворот Парижа на медленном огне с его ста тринадцатью товарищами Филиппом Красивым привела лишь к созданию Общества вольных каменщиков, которое с учреждением института *maçons adoptés* претворилось в масонские толки, скованные впоследствии общностью дела Вестгауптом и затем открыто соединившиеся во всемирное братство работой Альберта Пайка, благодаря учреждению им *Palladismum Novum Reformatum*³⁵.

Так, на пути веков, среди хаоса племен и народов, культов и верований, внешних форм и окрасок, сохранялась преемственная связь, начиная с древних иерофантов Египта, переходя последовательно через неоплатоников, гностиков и философию арабов, тамплиеров, розенкрейцеров, Раймунда Луллия, Парацельса, Флудда, Филалета, Кроллиуса, Мейстера Экхарта, Корнелия Агриппу, Иоанна Тритемского, Генриха Кунрата, Николаса Фламмеля, Кнор де Розенрота, Пико делла Мирандолы, Рейхлина, Бёме, Гиштоля, Джордано Бруно, Лэда, Мартинеса ди Паскуалиса, Дютца-Мамбрини, Сен-Мартена, Молитора, Фабра д'Оливе, Ж. А. Сент-Ива д'Альвейдра, Гужено де Мюссе, Элифаса Леви, Станисласа де Гуайта и кончая современными новейшими мистическими течениями йогизма и теософии³⁶.

Но как бесконечно далек мистицизм иллюминатов, розенкрейцеров и мартинистов, этих жалких представителей когда-то столь великого западного Просвещения, от блеска Царственной Науки долины Фив! Из поколения в поколение передавалась лишь буква, дух живой давно отлетел, и лишь отдельные, отмеченные свыше искатели в тайниках сердца своего воссоздавали отблеск величия Древнего Знания.

Мировая история всегда делилась, как будет делиться и впредь, на периоды накопления фактов и на периоды их обобщения и синтеза. Наша эра, последние две тысячи лет, и является именно таким периодом накопления фактов и отсутствия ярких проблесков человеческого гения. Мы переживаем грустную эпоху, которой древние индусы дали имя «калиюги», «годины смерти», ибо во время ее призваны к деятельности лишь низшие стороны человеческого существа. *Эпоха расцвета Египта – это последний отзвук предшествовавшей расы человечества, отошедшей в вечность.* Время Гермеса, Рамы, Орфея и Кришны миновало безвозвратно; перед человечеством лежит задача создать новый синтез, еще более великий и грандиозный, чем все бывшие ранее. Исполнение этого и есть миссия грядущих тысячелетий. Наша же задача должна сводиться к тому, чтобы приуготовлять это великое дело, а потому, не разрывая связи с прошлым, мы должны приспособить его к нашим условиям, к нашему мышлению и, при свете древнего синтетического учения, собирать воедино те данные, которые дает нам наша наука, наш опыт и наши переживания.

К сожалению глубокому, громадное число мистиков этого не понимало; они цеплялись за букву древней науки, пытаясь воскресить минувшее в тех формах, которые волею судеб погибли безвозвратно. Они не давали себе отчета в том, что разрушение древних цивилизаций

---

³⁵ См. *Bataille. Le diable au XIX-e siècle. La Franc-Maçonnerie Luciférienne. V. I, ch. XV. P. 305–435.*

³⁶ Теософическое общество, как известно, основано нашей соотечественницей – Еленой Петровной Блаватской. Ее бесспорно исключительная личность в продолжение немногих лет создала переворот в умственном мире человечества. В самую мрачную эпоху черствого материализма ее гений открыл многим тысячам людей врата в иную область, к лицемерию Истины в ореоле ее вечности. К глубокому сожалению, в теософии в последнее время возник ряд весьма нежелательных течений; главнейшая причина этому та, что многие доктрины Е. П. остались непонятыми. Ее «Тайная Доктрина» и «Разоблаченная Изида» оказались настолько недоступными широкому кругу читателей, что, например, в России, при всей известности Е. П., в ней видят лишь «Радду-Бай» (псевдоним Е. П.) – автора фельетонов-повестей: «В горах и дебрях Индостана», «В голубых горах» и «Дурбар в Лагоре». Новейшее мистическое движение в Индии было возбуждено недавно умершим последним индусским пророком Бхагаваном Шри Рамакришной Парамахамсой. Если теперь нет в мире образованного человека, кто бы хоть по слуху не знал понятий об эзотеризме и тождестве всех религий всемирной истории по их внутренней сущности, то этим человечество обязано гению двух людей: Е. П. Блаватской и Шри Рамакришны. Миссия Бхагавана целиком и вылилась на то, чтобы спасти человечество, когда оно вплотную подошло к бездне ужаса, отчаяния и безумия материализма. Через своих учеников, понесших его благовестие в Европу и Америку, он первый из учителей широко приоткрыл покрывало Исиды для взора каждого. Вивекананда, Абхедананда, Рамачарака, Чаттерджи и другие суть первые из проповедников, начавшие говорить открыто, непосредственно воздействуя на интеллект слушателей и учеников.

и полное уничтожение всего того, что ими было добыто, естественно, должны иметь свое основание, которое и заключается в том, что одна страница мировой истории кончилась и начинается другая. Древний мир сделал свое дело, выполнил положенную ему миссию вполне, а потому должен был отойти, чтобы дать возможность нам, его потомкам и преемникам, выполнять нашу работу, не стесняя нашу свободу и не противореча нашим стремлениям. Сознав это, вместо горечи о минувшем мы будем черпать из него лишь силу великую, ибо то, что могли выполнить одни, могут выполнить и другие. Связь с древностью должна быть велика у всякого ищущего Истину, но она должна проистекать не из привязанности к блеску формы ее, а из истинного великолепия ее сущности.

Евангельская система – не катехизис, не элементарное богословие, но высшее религиозное знание, крайняя вершина религиозного мышления, последняя ступень богословского созерцания. Евангельское учение о Боге примыкает к тем верованиям еврейской религии, которые вместе с тем оказываются последним религиозным словом общечеловеческого разума, последним пределом доступного человеку в его исканиях Божественной Истины.

*Проф. М. Тарнев*³⁷

Таким образом, наши религиозные обряды древни как мир, наши празднества походят на таковые наших отцов, и Спаситель христиан не пришел для того, чтобы изменить символическую и религиозную красоту древнего Посвящения; Он пришел, как Он Сам сказал по поводу запретительного закона евреев, для того, чтобы все совершить и все исполнить.

*Э. Леви*³⁸

Начало христианской эры и есть великий момент разрыва с прошлым. С распространением христианства связь с Древним миром и его культурой повсюду стала падать, и чем больше отдельные люди стремились остановить этот разрыв, тем скорее он совершался. Задумав воссоздать величие древней науки, Птолеми собрали в единое хранилище все, что оставалось разбросанным по всему свету, и все это одним ударом судьбы было обращено в прах; не будь их, быть может, многие манускрипты сохранились бы и поныне, теперь же все для нас погибло безвозвратно. Все дальнейшие попытки в этом направлении также, всегда и неизменно, приводили к обратному результату: Марк Аврелий и Юлиан лишь ускорили гибель древности, вызвав реакцию; равно погибли и все мистические школы, которые стремились на христианской почве сохранить остатки знаний древних святилищ.

Юлиан не был язычником, – это был гностик, привязанный к аллегориям греческого пантеизма, и его несчастье заключалось в том, что он находил имя Иисуса Христа менее звучным, чем имя Орфея.

*Э. Леви*³⁹

Многие из гностических идей были глубоки и сильны, но они были лишь перепевами древних мистерий, а потому и должны были погибнуть, чтобы дать дорогу новому. Это новое было грозно, ужасно и отрадно, но вся последующая история человечества была школой для масс, и мрачные темницы и костры Средневековья закаляли дух избранных и были истинным чистилищем его. Вся современная техническая культура не могла бы вовсе развиваться, если бы живы были вполне предания о древности минувшей. Люди не могли бы обратить все силы свои

---

³⁷ Основы христианства. Краткое изложение автора. 1913.

³⁸ Lévi É. Histoire de la Magie. Paris, 1860. P. 163.

³⁹ Dogme et Rituel. P. 71.

исключительно на знания земли, ибо дух их всегда и неизменно тяготеет к вечности, и удерживать его в этом стремлении может лишь *лютый закон*. Человек должен сначала познать себя во всей полноте, должен все выполнить здесь и только после этого может начать стремиться ввысь; не имея опоры внизу, он не в силах подняться в заоблачные вершины и неминуемо повиснет между небом и землей, подобно гробу Магомета.

Когда бы все так чувствовали силу
Гармонии! Но нет, тогда б не мог
И мир существовать; никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой жизни —
Все предались бы вольному искусству!

*А. Пушкин*⁴⁰

Но, несмотря на внешний разрыв с Древним миром, дух его неисповедимыми путями управлял все время жизнью европейских народов. Таинственные иерофанты и учителя сказочной Индии своим гением через толпу веков продолжают светить людям. Всегда и вечно, всякий алчущий и жаждущий Правды невольно обращал взор свой к долине Нила и снежным вершинам Гималаев, и теплый живительный луч снисходил в его мятежную душу. Затерянный среди чуждых ему людей, среди треска аутодафе или грохота Нью-Йорка, он чувствовал себя связанным узами неразрывными со святыми странами Осириса и Брахмы; он сознавал, что он не один, что, чем больше он отходит от века сего, тем более он приближается к Миру Истинной Жизни и Правды Нетленной. Почуввав отзвук в душе своей, такой человек с радостью убеждался, что заветы древних мыслителей и вещие их слова живут, не погибли они, и время их не коснулось. Символы Древнего мира почти все сохранились до наших дней, и тот, кто умеет читать их, тем самым создает себе связь неразрывную с миром отшедшим.

Моим читателям достаточно знать, что в некоторых областях Гималаев, среди 22 храмов, изображающих 22 Аркана Гермеса и 22 буквы некоторых священных алфавитов, Агартха составляет мистический Нуль, «Ненаходимое».

*Ж. А. Сент-Ив д'Альвейдр*⁴¹

Все религии, разделяя между собой Единый Свет и освещая одна другую, рожают в нашем духе надежду и покой!

*Ж. Рейно*⁴²

Египет и Индия – заветная цель исканий служителей Истины на пути стольких веков – вновь восстают пред нашими взорами и к нам приближаются. Наступает время нового великого перелома мировой истории, и, кто знает, быть может, некоторые из нас и доживут до него. Новые мистические учения возродили всеобщий интерес к древности, и семя, посеянное Рамакришной и Еленой Петровной Блаватской, готовится в недалеком будущем дать свой плод. Близится час, когда древняя наука возродится под новым небом – с новой, еще невиданной мощью.

Придет время, когда потомки наши будут удивляться, что мы не знали того, что так ясно.

Сенека

---

⁴⁰ Пушкин А. С. Моцарт и Сальери.

⁴¹ Mission de l'Inde en Europe.

⁴² Reynaud J. Études encyclopédiques. T. I. P. 161.

Через тьму веков, как и древней стране Кеми и долине Пенджаба, светит нам Памятник давно минувшего. И как гордая страна Ра и пирамид получила этот великий дар в наследство от выходцев с Посейдона⁴³, последнего остатка волшебной Атлантиды, так и мы чрез сотни веков приемлем этот дивный светоч мудрости из той же древней страны Златовратого Града. Жалкие потомки великой Атлантиды, вечно мятущиеся и ничего не могущие найти, гонимые отовсюду, всеми презираемые и всех заставляющие трепетать своей песнью, тоскующие о покое, но не ведающие его в жизни своей, цыгане, сохранили в среде своей этот великий Памятник родины Элаквиота Муретара, в виде колоды игральных карт, карт гадальных...

Существует еще и другая книга, но несмотря на то, что она в некотором отношении весьма популярна и что ее можно повсюду найти, она остается самой таинственной и самой неведомой из всех, потому что она содержит в себе ключ ко всем другим; она обнаружена, но остается народу неизвестной, никто не задумывается искать ее там, где она есть, и в то же время всякий потерял бы тысячу раз свое время, ища ее там, где ее нет, если бы он заподозрил ее существование. Эта книга, более древняя, может быть, чем Книга Еноха, никогда не была переведена, она еще целиком написана первобытными знаками, подобно табличкам древних.

*Э. Леви*⁴⁴

Тысячелетия назад этот великий Памятник был запечатлен в символах, вырезанных на камне в нишах, разделенных колоннами, в галерее Арканов, где неофит проходил свое посвящение и которая, по преданию, и поныне существует в неприкосновенном виде своем посреди пути меж Сфинксом и Великой пирамидой Гизы. Река времен, в своем течении, снесла высеченное из гранита и порфира великолепие края фараонов. Все погибло, но знание его мудрецов пережило его, и вот теперь бессмертные символы восстают пред взором нашим в виде орудия забавы людской?! Истинное величие не нуждается в блеске мишурном; порфиры превратились в пыль, – вещие образы мудрости сохранились нерушимо, и даже в этом жалком виде своем они еще более велики бесконечно!

Цель настоящего труда – восстановление древнего как мир синтетического знания, Священной Герметической Науки. Излагая верховное учение, я вместе с тем немногими штрихами очерчивал его отдельные доктрины, его отдельные звенья. Ставя синтез своей главной задачей, я не мог в то же время изложить эти доктрины хоть сколько-нибудь исчерпывающим образом, вывести из них следствия, доказать отдельные положения; я ограничился лишь иллюстрациями – ссылками на аналогичные мысли различных людей, различных эпох и различных народов; в своей совокупности они и выявляют основную доктрину моего труда, – незыблемость и непреложность истины на пути веков, а потому и ее абсолютность.

Долгом своим почитаю выразить глубочайшую благодарность двум неоценимым друзьям моим: Николаю Сергеевичу Мусатову и инженеру путей сообщения Владимиру Ивановичу Жданову. Первый из них, своим пламенеющим духом вырвав меня из бездны, показал мне путь и заложил первый камень настоящего труда; второй – в продолжение ряда лет разделял со мной все радости и невзгоды искателя Правды, и лишь благодаря его самоотверженному служению нашему общему делу я довел его до конца.

В. ШМАКОВ

---

⁴³ По свидетельству Платона.

⁴⁴ Dogme et Rituel. P. 68.

**Человеческие деяния я старался не осмеивать, не хвалить, даже
не презирать, а – понимать.**

Б. Спиноза

Введение

Приветствую смелых исследователей и глубоких мыслителей, которые, прилагая к гиперфизическому миру способы позитивной науки, утвердили несокрушимое основание синтетического памятника человеческих знаний и положили первый камень Величественного Храма, где будет праздноваться – и час этот близок! – торжественное примирение враждующих сестер, Науки и Веры!

С. де Гуайта⁴⁵

Вера и знание суть два орудия, которыми располагает человек, чтобы воспринять Истину; они служат ему как две ноги, с помощью которых он доходит до цели, как два крыла, на которых он взлетает к свету.

П.-Ф.-Г. Лакюриа⁴⁶

Премудрость подвижнее всякого движения и по чистоте своей сквозь все проходит и проникает. Она есть дыхание силы Божией и чистое излияние славы Вседержителя: посему ничто оскверненное не войдет в нее. Она есть чистый отблеск вечного света, и чистое зеркало действия Божия, и образ благодати Его. Она – одна, но может все и, пребывая в самой себе, все обновляет...

Прем. 7:24–27

Все идеи истинны, поскольку они связаны с Богом.

Б. Спиноза⁴⁷

---

⁴⁵ La Clef de la Magie Noire.

⁴⁶ Lacuria P.-F.-G. Les Harmonies de l'Être. T. I. P. 4.

⁴⁷ Spinoza B. Eth. II. Prop. XLV–XLVII. Prop. XL. Prop. XXXIV, XXXII.

О Вечной Истине и верховном синтетическом учении системы Арканов

I. О видах человеческого познания

Бытие в продлении есть Верховная Трансцендентальная Реальность; Оно является Первичной Субстанцией и определяет Собой Всеобщие Основные Начала: в Своей конечной трансцендентальной абстрактности Оно является Природой Идеи Божества, в Своей конечной дифференцированной утвержденности Оно определяет природу космоса как в совокупной обобщенности, так и в его дифференцированной тварности. Бытие как таковое в Своей Трансцендентальной Сущности определяет первую Ипостась Субстанциональной Реальности; второй Ипостасью является присущее этому Бытию **Трансцендентальное Сознание**; Бытие и Его Сознание неотъемлемы друг от друга взаимностью утверждения, ибо Сознание есть внутренняя Природа Бытия, а Бытие есть Природа Сознания. Мир дифференцированного бытия определяется в противовес Абсолютному Миру как **поле различной напряженности Сознания**, благодаря чему **Общее Космическое Сознание имеет Природу Тварную в противовес Интегральному Сознанию Трансцендентального Абсолютного Мира**⁴⁸. Человек как средоточие Космического Сознания в наивысшей степени по сравнению с окружающей средой определяет сущность своего существования формулой *Homo sapiens*, обобщая, таким образом, обе Ипостаси Бытия в третью, представляющую собой прообраз третьей Ипостаси Утверждающего, Утверждаемого и Утвержденного Бытия.

Homo sapiens, утверждающий себя как единичный фокус Бытия в присущем ему потенциально единичном сознании, обладает даром индивидуального ощущения, выливающимся по отношению к собственной субстанциональности в самоощущение, то есть потенциальную модификацию сознания, но способную претвориться в кинетическую при наличии относительного движения в недрах сознания; это последнее, будучи его *modus vivendi*, в свою очередь, само является присущей ему категорией. Рассматривая факт относительного движения, мы видим, что оно одновременно является внешним проявлением субстанциональной сущности и в то же время само своей собственной силой объективирует в этой сущности присущий ему аспект и тем порождает соответствующую категорию бытия и модус сознания. Последнее выражается формулой: **человек творит внешнюю среду и сам есть ее творение**⁴⁹. Относительное движение есть не что иное, как внутренняя взаимная переориентировка отдельных единичных модусов сознания через расчленение Интегрального Сознания и последовательное отождествление Целого с отдельными своими аспектами. Потенциальное Бытие есть внутреннее относительное движение при отсутствии протяжения по времени и наличию, следовательно, одновременности самосознания в Целом и в частях. Проявленное Бытие рождается с рождением времени и отождествления Целого с частью⁵⁰; Самосознание Целого в аспекте есть, очевидно, расчленение единичного сознания со своим Интегральным Синтезом. В силу этого **Проявленное Бытие есть сознание в большей или меньшей совокупности единичных аспектов**; эти последние лежат одновременно в синтезе и среде, но забвение сознанием син-

---

⁴⁸ Эта идея утверждается дилеммой XXI и XXII Арканов.

⁴⁹ Аналогичным по сущности, но различным по природе объектов является учение Карлейля.

⁵⁰ То есть, иначе говоря: Сознание Потенциального Бытия (праляя) *четырёхмерно*, то есть включает в себе целиком протяжение во времени как четвертую координатную ось, вследствие чего *в нем нет течения времени*, которое сводится в мгновение вечности; Сознание Кинетического Бытия (Проявленного) *трехмерно* и воспринимает протяжение во времени как аргумент видоизменений по всем другим геометрическим и метафизическим протяжениям.

теза приводит его к ощущению, что оно живет только в среде. Изложенное выражается формулой: **человек на земле сознает среду как реальность и имеет представление о Синтезе лишь как a priori необходимом Начале.**

Абсолютная Истина на плане материальном является как нереальность, но эта нереальность есть единственная реальная вещь.

*Т. Г. Бургон*⁵¹

Живя в мире как среде и лишь a priori памятуя о своем *синтезе*, человек расчленяет свое сознание на две модификации: *чувствование* (*sensibilité*) и *разум*. При помощи первой его активное сознание, то есть совокупность уже утвержденных аспектов, воспринимает данные из среды и Интегрального Синтеза, а при помощи второй он квалифицирует и классифицирует их, после чего они становятся аспектами конечного доступного ему синтеза (по закону пирамиды). Назначение чувствительности – восприятие данных *анализа*, разума – *синтез* этих данностей. Когда чувствительность воспринимает из среды, она дает *ощущения*, когда же черпает из Интегрального Синтеза, то дает *восприятия*. Разум объективирует данные чувствительности и утверждает их; утвержденное единичное ощущение есть *представление*; цель представлений в закономерной последовательности есть *мысль*. Мысль есть внешняя форма метафизического направления сознания, то есть совокупности некоторого количества утвержденных модусов сознания, связанных единством некоторого частного центра, через который эти аспекты проходят; этот частный центр, конкретная потенциальная реальность, выливающаяся в кинетическую мысль, есть *идея*. Идея, в силу своей собственной природы, утверждает конкретную последовательность и виды единичных модусов ее познающего сознания; эта последовательность есть *закон идеи*. Таким образом, закон по отношению к идее играет роль вполне аналогичную той, которую выполняет сознание по отношению к бытию. Идея, познаваемая последовательным рядом единичных состояний сознания, представляет собой как бы тело некоторой высшей конституции, доступное более синтетичному сознанию, в каковом эта идея и выливается в *стационарный* конечный синтез идеи и ее закона, содержащий в себе всю цепь конкретных выражений, ее последовательность и закономерность; этот стационарный синтез есть *принцип*.

Философия есть наука принципов и первопричин.

Аристотель

Философия есть наука принципов, то есть всего того, что есть наиболее возвышенного во всех науках.

Р. Декарт

Основным признаком принципа является *нуменальность его природы*: принцип сам по себе, в своей собственной сущности, лежит за пределами цепи причин и следствий; он является самодовлеющей субстанцией, частной реальностью, которая не может быть ни из чего выведена, которая сама по себе имеет бытие, частичный аспект Космического Бытия. Всякий принцип порождает следствия силой своей собственной мощи, облекается идеей как низшим аналогом, гармонирующим с феноменальной природой временных и последовательно-причинных протяжений, утверждает закон идеи – внешнюю манифестацию своей закономерности, как вполне независимая реальность. Если два принципа гармонируют между собой, то есть если в системах их феноменальных следствий есть общие места, иначе говоря, если две или несколько осей аналогии их инволютивных систем пересекаются между собой, то все равно, по общему принципу кинематики⁵², утверждение каждого из принципов происходит так, как если

---

⁵¹ Бургон Т. Г. Свет Египта, или Наука о душе и о звездах / Пер. В. Н. Запрягаева. Вязьма, 1910. С. 8.

⁵² См. теорию сложения относительных движений.

бы он был единственным действующим фактом во вселенной. Единичный принцип есть единичная истина, то есть относительная вообще, но абсолютная для данной концепции феноменальных факторов. Изложенное резюмируется формулой: **все принципы имеют нуменальную природу и являются единичными субстанциональными деятелями вселенной, аспектами Конечной Интегральной Реальности.**

Разделение объектов сознания по степени синтеза мы встречаем ясно выраженным у д'Альвейдра в его книге «Миссия евреев»⁵³, где он приводит следующую схему, причем его «законы» соответствуют нашим «идеи + законы».

Количество принципов, вообще говоря, *бесконечно*, ибо Единая Реальность может созерцать Себя в бесконечном количестве Своих аспектов. *Порядком принципа я называю степень его синтетичности*; если принцип касается формальной стороны явлений или если его влияние проявляется лишь в некотором узко ограниченном относительном мире, то он является *частным*; если же он касается внутренней природы явлений и ее трансформаций и, в силу этого, он тем самым проникает отдельные феноменальные разграничения, то этот принцип становится *общим*. Стремясь к Абсолютному Синтезу, испытующий дух человеческий ориентирует свое самосознание как конечный синтетический результат всех сознанных и утвержденных дифференциальных данных. Будучи по истинной природе своей *Абсолютным*, но оторванный от своей сущности и сознающий себя лишь как проекцию Абсолютного в относительное человек, всегда и неизменно, воспринимает не феномены явлений, как они манифестируются в среде, и нуменальные принципы в их завершенной целостности, а лишь их *проекции* в относительный мир человека. При этом проектировании происходит искажение по двум координатам: *по порядку синтеза и по индивидуальности*. Первое искажение происходит от несовершенства развития человека, вследствие которого он все лежащее выше доступного ему синтеза проектирует в последний, благодаря чему не только искажается группировка элементов синтеза, но и некоторая часть их вовсе ускользает. Второе искажение выливается в расцвечивание человеком как отдельных элементов синтеза, так и всей их совокупности согласно своей индивидуальности.

⁵³ Saint-Yves d'Alveydre J. A. Mission des Juifs. Paris, 1884. P. 32.

Различность восприятий феноменов, представляющих собой факторы определенной среды и потому вполне реальных в аспекте этой среды, у которой цепь причин и следствий и сама формальная сторона явлений связаны строгой закономерностью, и индивидуальность претворения в свое существо нуменов реальных по принципу, утверждают *дилемму абсолютного и относительного*. Человек своим сознанием всегда живет в относительном мире, навеки сковывающим определенной гранью все возможности, и, в силу этого, с первого взгляда представляется, что титул «Абсолютное», как *ignotabimus*, является чистой абстракцией. Тем не менее этот вывод сам по себе относителен и является лишь кажущейся истиной. Человек как микрокосм заключает в себе оба элемента: абсолютный и относительный; он существует сам по себе своей собственной субстанциональной мощью, но в то же время он есть часть Всеобщего Целого; человек как аспект Реальности по своей истинной природе абсолютен, и его относительность рождается с того момента, когда свойственное этому аспекту сознание через изменение своей глубины – понижение порядка синтеза – входит в присущий ему потенциально относительный мир, через что и наступает разрыв с Целым. Если удел человека есть жизнь в относительном мире, если оковы его в принципе не могут быть разрушены до тех пор, пока сознание не поднимется и не воссоединится вновь с аспектом Реальности – Атманом, то тем не менее *человек всегда сохраняет с Абсолютным потенциальную связь*, вот почему он всегда и неизменно ощущает Абсолютное, и это чувство растет непрерывно в гармонии с его собственной эволюцией.

Человек как микрокосм обладает интуитивной памятью о Реальности.
Вдохновение, проявляющееся словом, выражает Истину.
*Дж. Бруно*⁵⁴

Диалектика, как Цирцея, дочь солнца, обладает магической силой в таинственной своей связи с памятью о Реальности – Мнемозиной.
*Дж. Бруно*⁵⁵

Нам не дано познать Сущности Зиждителя, но мы можем петь Его Божественность.
*Саади*⁵⁶

Мудрые знают Принципы, называемые Истиной (или Реальностью), Науку, которая не построена на двойственности; этот Принцип называется одними Брахмой, другими Параматманом (Верховный Дух), третьими же Бхагаваном.
*Бхагавата пурана*⁵⁷

Внутреннее бессознательное, но ясно чувствуемое ощущение абсолютности своей внутренней первоосновы выливается вполне осязаемым образом в *присущее каждому человеку сознание направления к Вечному и Абсолютному*. Тот, кто много мыслил, кто устремлял взор свой вглубь вещей, всегда вырабатывает, вернее, реализует это шестое чувство, которое я называю **чувством синтеза**⁵⁸. Полярной противоположностью ему является **чувство сектантства**, которое само по себе нереально и есть лишь *дальтонизм сознания*, неумение, неразвитость. Чувство синтеза, или чувство реальности, есть воистину венец всех других форм

---

⁵⁴ Bruno G. De compendiosa architecture et complemento artis Lulli.

⁵⁵ Bruno G. Cantus Circoeus.

⁵⁶ Сад плодовой.

⁵⁷ Le Bhâgavata Purâna, ou Histoire poétique de Krichna / Traduit par Eugène Burnouf. Paris, imprimerie royale.

⁵⁸ «Чувство синтеза» носит в традиции также эпитет «чувства истины». См.: *Эккартсгаузен К.* Ночи, или Беседы мудрого к другому. С. 280.

восприятия, ибо оно есть *чувство сущности*, а не формальной стороны явлений. Каждое восприятие, получаемое человеческим сознанием извне, имеет два элемента: абсолютный и относительный; подымая порядок сознания, человек последовательно отбрасывает одни относительные элементы за другими до некоторого свойственного данному индивидууму предела. После этого приступает к исполнению своего долга чувство синтеза, и, с помощью его, человек окончательно намечает в своем сознании грани внутреннего ядра, лежащего за пределами относительного. *Это конечное ядро восприятия определяется двумя категориями: с одной стороны, оно безлично, а с другой – сверхлично.* Как та, так и другая одинаково лежат за пределами относительного мира; но по отношению друг к другу они являются полярными противоположностями; даже более того – сама степень их антагонизма является показателем совершенства выявления этого внутреннего ядра. *Безличность* есть отсутствие вмешательства какой-либо индивидуальной силы, она есть первый признак *среды*, то есть первичной сущности тварной космической реальности; тварность реальности по принципу иллюзорна, но для сознания, оторванного от Верховного Синтеза, представляется реальностью. *Сверхличность* есть наличие исчерпывающей совокупности индивидуальных расчлененностей и является первой категорией Абсолютной Реальности. Изложенное резюмируется формулой: **Абсолют и иллюзия среды суть противоположные полюсы сущности каждого фактора природы.**

Таким образом, **хотя Абсолютное в своей чистоте человеку и недоступно, ему тем не менее присуща способность определять степень отдаленности всякого данного фактора от его абсолютного прототипа.** Если пред человеком лежит Неведомое, Недоступное, но он знает к Нему путь и может контролировать всякое к Нему приближение или отклонение, то он всегда располагает возможностью а priori выявить ряд отдельных элементов этого Неведомого в зависимости от степени своего развития; иначе говоря, **хотя Абсолютное а posteriori человеку недоступно, тем не менее на основании анализа относительного он уже может выявить столько категорий этого Абсолютного, сколько их сможет воспринять его сознание.**

За всеми переменчивыми явлениями феноменальной вселенной скрывается Нечто Реальное, на лицевой поверхности Которого происходит постоянная игра материи, силы и жизни, подобно тому как рябь и волны играют на поверхности океана или – как облака пробегают по лазури неба.
Йог Рамачарака

Субстанция – это то, что кроется под всеми внешними проявлениями; это то, от чего зависят все свойства каждого предмета, что составляет всю его сущность; это природа вещей, действительная, живая сущность.
Р. Вебстер

Божеская Премудрость останется навсегда для нас свойством Непостижимым, если мы станем рассматривать Ее в Собственной Ее Натуре, но чрез сравнение мы получаем о Ней некоторое познание, которое и будет верно, если мы от сего понятия будем отделять все человеческое и несовершенное.
*К. фон Эккартсгаузен*⁵⁹

Относительное имеет следующие основные категории, различность степени напряженности которых есть мерило отдаленности этого относительного от Абсолютного:

---

⁵⁹ Эккартсгаузен К. Ночи, или Беседы мудрого с другом. СПб., 1804. С. 42.

1) *Форма* – есть первая категория относительного; оно всегда ограничено, имеет раз навсегда определенные качества, отмежевано от всего внешнего, действует за свой страх и риск.

2) *Сознательное неведение* – есть вторая категория относительного, всякое обобщение здесь осуществляется через игнорирование вторых причин и следствий и пренебрежение обертонами.

3) *Угол зрения* – есть третья категория относительного; оно осуществляет обобщение в зависимости от последовательности порядка и перспективы действия входящих факторов. Всякое относительное обобщение *implicite* включает в себе элемент случайности.

4) *Оценка, предпочтение, выбор, неполнота, ошибочность* – вместе представляют собой четвертую категорию относительного; она является следствием первых трех категорий, но со своей стороны вводит еще элемент узкой субъективности обобщения, способности заблуждения или простого невежества.

5) *Конкретность, неподвижность, отсутствие способности самостоятельного развития, метафизического творчества и размножения* – вместе составляют пятую категорию относительного. Относительное не имеет дара жизненности; оно существует, вампирически заимствуя силу из какого-либо нуменального источника, и если способно влиять, то лишь как слепая сила, действующая всегда в одном и том же направлении, согласно первоначальному импульсу, вызвавшему ее к бытию.

Абсолютное не ограничивается ни одной из этих категорий, Оно Само по Себе их содержит в состоянии возможностей, реализующихся тогда, когда Оно захочет сознать Себя относительным. Его природа, вообще говоря, определяется отрицанием каких бы то ни было категорий, а потому человек тем выше начинает понимать Абсолютное, чем синтетичнее он выявит категории относительного и, обратив их к Абсолютному, их отвергнет. Абсолютное Само по Себе невыразимо, ибо Оно первое всего, и именно вследствие этого Оно не нуждается ни в каком выражении, так как идея Абсолютного близка сердцу каждого человека.

На пути всей истории человек всегда стремится к Вечному и Абсолютному, и чем сильнее он чувствовал относительность всего, тем более интенсивно он начинал жаждать Абсолютного. Все философские и религиозные системы представляют собой попытки достижения конечного идеала – анализа Первопричины; учение о Трансцендентальном само по себе есть признание ограниченности познавательных способностей человека и ясное сознание того, что **Причинная Природа лежит по ту сторону объективного разума.** Стремясь к познанию Первопричины, человек стал пользоваться двумя методами: дедуктивным и индуктивным. Основываясь исключительно на *эмпирическом опыте* и с помощью логики обобщая данные в единичные частные относительные синтезы, человек силой вещей не мог выйти за пределы относительного, ибо все его построения оставались замкнутыми в сфере его субъективного существа и мировоззрения. Основываясь исключительно на *интуитивном опыте*, человек воспринимает данные в столь сильно индивидуальном освещении, что они остаются совершенно непонятными для других людей, да, кроме того, и сам человек, в огромном большинстве случаев, оказывается не в силах претворить данные интуиции в разум. В первом случае, при восприятии снизу, из среды, человеческие обобщения *всегда конечны* по принципу; они никогда *de jure* не могут подняться выше присущего ему сознания и являются, в сущности, *опорами* его сознания по отношению к среде. Во втором случае, при восприятии сверху, из Интегрального Синтеза, человеческие выводы *могут быть абсолютны*, ибо таковыми они *de jure* являются в своей истинной природе, но, окрашиваясь субъективными тональностями, они *de facto* становятся относительными. Таким образом, **к Абсолютному a priori** ведет только один путь, и этот путь есть интуиция.

Путем объективного познания нельзя выйти за пределы представления, то есть явления. Таким образом, мы всегда будем стоять перед внешней стороной предметов... Но в противовес этой истине выдвигается другая – именно та, что мы не только познающие субъекты, но вместе с тем и сами принадлежим к познаваемым существам, – что мы и сами вещь в себе. <...> Для нас открыта дорога изнутри – как какой-то подземный ход, как какое-то таинственное сообщение, которое – почти путем измены – сразу вводит нас в крепость – ту крепость, захватить которую путем внешнего нападения было невозможно... В силу этого мы должны стараться понять природу из себя самих, а не себя самих из природы.

А. Шопенгауэр

Философия – есть лишь сознательное и обдуманное возвращение к данным интуиции.

Проф. А.-Л. Бергсон

Истинный служитель Исиды есть тот, кто, правильно восприняв учение о Божественных вещах, его подвергнет анализу разума и проникнет духом в те истины, которые оно содержит.

*Плутарх*⁶⁰

Интуиция есть свойство, присущее всем людям, она стоит в ряду других средств восприятия и познания, но по природе своей имеет первенствующее значение, является среди них *prima inter pares*⁶¹. Интуиция всегда *субъективна*; более того, это есть самая субъективная из всех восприимчивых способностей человека, но это последнее свойство есть единственная категория, утверждающая ее относительность. Субъективизм интуиции сводится целиком к расцвечиванию, окрашиванию получаемых ею данных, но эти данные, как непосредственные эманации Синтеза, по своей собственной природе вполне абсолютны. По мере совершенствования человека идет развитие *чувства синтеза*, и с помощью него человек начинает корректировать данные интуиции, делая их все более и более независимыми от собственной личности. Конечное развитие соединенных вместе интуиции и чувства синтеза выливается в *Откровение*, высшую познавательную способность, в своем целом присущую только самому *чистому духу*. Данные Откровения всегда *сверхличны*, то есть одинаково гармонируют со всякой индивидуальностью; познаваемые в своей чистой природе лишь сознанием духа, они облачаются в форму высшей земной индивидуальности, они соответствуют целой эре всемирной истории и целому семейству народов; последнее резюмируется формулой: **Откровение есть интуиция расы.**

Бег звезд и молний уносил меня, а ветер давал крылья, и я стремился к Нему – пока не прибыл к стене из хрусталя, окруженной пламенем. Минув Божественный Огонь, я приблизился к дворцу, в свою очередь хрустальному... Его кровля представлялась как бы путями звезд и молний; повсюду – херувимы и пламя всех цветов; небеса жидкие и сверкающие... И вот среди непостижимой, таинственной глубины появился трон, как бы созданный из снегов; он был окружен звездами и песнопениями херувимов; одеяние Того,

---

⁶⁰ Плутарх. Об Исиде и Осирисе. § 3.

⁶¹ Первой среди равных (*лат.*).

Кто недостижим в великолепии, сияло ярче солнца, блистало чище снега... И он сказал мне: «Подойди, Енох, приблизься к Моему Святому Глаголу».

*Книга Еноха*⁶²

Каждое Откровение раскрывает целостный аспект Абсолютной Истины; его ядром является Доктрина Абсолютная по природе и исчерпывающая истину, свойственную данной расе, данному циклу истории. Совокупность этих Доктрин есть Верховное Абсолютное Учение об Истине Вечной. Поколения Исполинов мысли собрали воедино эти Доктрины, и неведомый нам Величайший Гений мира обобщил их в стройную систему, Великое Герметическое Учение, скрывавшееся на пути бесчисленных веков от толпы и дошедшее до нас в ореолах мифов под именем **Священной Книги Тота, Великих Арканов Таро.** Это величайшее наследие минувших веков, живой показатель того, что в пучине прошлого, в седой древности человечества, были достигнуты такие вершины Истины, о которых мы и подозревать не смеем, скрыто густым покровом эзотеризма. Книга Тота есть собрание символов, и достаточно однажды устремить свой умственный взор в их сущность, чтобы сразу почувствовать их великую ценность.

Действительно, это исключительное и грандиозное произведение, простое и мощное, как архитектура пирамид, а следовательно, и столь же устойчивое; книга, резюмирующая все науки, бесконечные комбинации которой могут решить все проблемы, книга, которая говорит, заставляя мыслить, вдохновительница и руководитель всех возможных умственных заключений, быть может высшее произведение человеческого духа и несомненно самое прекрасное из всего оставленного нам древностью.

*Э. Леви*⁶³

Вот Книга, где раскрыт Верховный Закон, освобожденный от всех иллюзий, честных мужей, победивших желания; Книга, в которой раскрыта Сущность, Которая должна быть познана как Истина Сушая, Которая дает дар воспринять Красоту совершенную и уничтожает три вида страдания.

*Бхагавата пурана*⁶⁴

Прежде чем приступить к анализу доктрин Арканов, скажем несколько слов о символике вообще, ее назначении и различных ее степенях.

---

⁶² Karppe S. Étude sur les origines et la nature du Zohar. Paris, 1901. P. 97. – О «Книге Еноха» имеется весьма многочисленная литература; весьма любопытные взгляды на ее историческую роль – см. в «Тайной Доктрине» Е. Блаватской.

⁶³ Dogme et Rituel. P. 69.

⁶⁴ Бхагавата пурана. Книга I, глава I, стих 2.

II. Аркан как высшее проявление символизма

*Символ – не есть ли он всегда для того, кто умеет его читать,
более или менее ясное раскрытие того, что является Божественным?
Т. Карлейль*

Каждый человек в самом существе своем так отличен от других людей, что всякое его восприятие, всякое представление носит свой особенный, одному ему присущий характер. Уже с незапамятных времен людям известно, что все представления их относительно, что мир познается человеком лишь в его собственном условном, индивидуальном освещении, что ни одна реальность как таковая не может дойти до его сознания. Первым проблеском деятельности сознания человека является возникновение представления о *числе*, то есть о наличии в мире однородных факторов. Чувствование стройности, гармоничности и закономерности среди множественности явлений природы выливается постепенно в объективацию ряда отдельных комплексов понятий и представлений, которые, не выходя еще из среды общего сознания, уже намечают будущее русло активной его деятельности, становятся прототипами дальнейших конкретных утверждений. С развитием человека каждый из этих комплексов из более или менее случайной группировки элементов претворяется в нечто целое, выявляет свой результирующий девиз, сам по себе становится сознательной единицей существа человека в виде вполне определенного понятия – символа целостной совокупности его составляющих тональностей. При возникновении общения между людьми, при появлении разговорного языка, эти символы начинают терять свою обособленность, свой чисто индивидуальный характер, но, однако, еще продолжают оставаться лишь условно принятыми обозначениями тех или иных факторов природы. При дальнейшей эволюции человека, расширении его сознания и увеличении числа его переживаний у него возникают наконец и понятия *отвлеченные*. Каждое слово, выражающее то или иное состояние душевное, является символом уже в полном значении этого слова. **Символ есть комплекс человеческих представлений, взятых в наиболее чистой форме, то есть с наименьшей примесью влияний от внележащих факторов, выраженный в виде слова, числа или в форме красочных или звуковых сочетаний.** Под *символизмом* я подразумеваю не самое внешнее проявление внутреннего символа, запечатленное тем или иным образом, а самую *идею* того, что некоторая система человеческих представлений, взятых в причинной последовательности, выражается в некотором общем девизе»⁶⁵, активно и динамически действующем на каждого человека, с ним встречающегося. **Символ как таковой сам по себе, в силу своей собственной конституции, вызывает в сознании встретившегося с ним человека ту самую систему представлений и в той же последовательности, каковая вложена была его автором, но вместе с тем каждый человек воспринимает символ в тональностях, ему свойственных; он окрашивает его так или иначе, воспринимает в тех или иных дифференциальных частностях, но тем не менее сущность символа остается перманентной для всех людей, которые с ним встречаются.** Таким образом, язык символов есть истинный всемирный, всечеловеческий язык, одинаково справедливый для всех времен и всех народов. При помощи него человек получает возможность запечатлеть свои идеи и мысли так, что они, нерушимо сохраняясь, переживут его и сообщат каждому встретившемуся с ними человеку те же мысли по существу, что были у него самого, но примененные к технике мышления и степени развития каждого из его читателей. Итак, **символ есть одновременно наиболее совершенно недвижимая форма запечат-**

---

⁶⁵ Mackenzie K. См. учение об эгрегоре.

ления мысли и наиболее совершенно эластичный метод применения их к познанию различных людей.

Эмблема лишь обобщает совокупность мыслей, не являющуюся символом, который надлежит скорей понимать как посредник, помогающий уяснить единую определенную идею.

*К. Маккензи*⁶⁶

Слово, выражающее эмоцию человеческой души, есть символ в его классическом случае; каждый отдельный человек эту эмоцию переживает различным образом и в различной степени, но тем не менее она продолжает оставаться в своем существе совершенно определенной, то есть она подчиняется общему принципу: **символ воспринимается различными людьми с различной глубиной и с различными оттенками, но в существе своем он остается понятием перманентным.** Человеческая речь сама по себе есть могучее подспорье человеку, ибо при помощи слов-символов он имеет возможность передавать другим людям свои мысли и переживания. Когда человек живет в обыденной жизни и наблюдает лишь простейшие формы, его речь является для него вполне совершенным способом передачи своих мыслей. Переходя в область отвлеченного мышления, человек сразу начинает чувствовать несовершенство своей речи; чем выше и общее понятие, тем более трудно выражается оно словами. Правда, с увеличением числа понятий увеличивается и число слов, так как каждый язык есть зеркало создавшего его народа, запечатлевающее автоматически всю его эволюцию⁶⁷, но тем не менее введение новых терминов не может решить задачу. Действительно, каждое новое слово должно быть пояснено с помощью других уже известных; в силу этого оно, с одной стороны, может обобщить в себе хотя и в новой группировке, но все же лишь ранее известные и утвержденные элементы, а с другой – несмотря ни на какие пояснения, оно всегда будет восприниматься разными людьми различно согласно конкретным свойствам их индивидуальностей. В самом деле, начиная с детских лет каждый человек, узнавая новое слово, связывает с ним те или иные переживания в мире чувств или в мире разума; на пути своей дальнейшей жизни, в громадном большинстве случаев, он уже не возвращается к тому, чтобы сделать переоценку смысла своих слов, но если он это бы и сделал, все равно новые представления, связанные с ними, так или иначе будут вытекать из свойств его индивидуальности. Отсюда явствует, что *человек в принципе не способен точно передать другому свои мысли при помощи языка, ибо все слова им различно понимаются. Каждое слово, произносимое одним человеком и воспринимаемое другим, имеет два элемента; один вполне определен, ибо он сверхличен* (то есть независим от данной личности, будучи одинаково присущ всем людям как определенная, раз навсегда условно принятая категория мышления или модус сознания, напр.: холод, жажда); *другой относителен, ибо он индивидуален* (то есть представляет собой совокупность индивидуальных окрашиваний первого сверхличного элемента, а потому есть функция индивидуальности данного человека, напр.: интенсивность, характер и тональности переживаемой эмоции). Результативным выводом из всего сказанного будет то, что *чем материальнее объект, о котором идет речь, тем легче один человек может понять другого; наоборот, чем более этот объект отдален от мира грубых форм, тем передача мыслей одним человеком другому затрудняется.*

Углубляя свое сознание в сущность явлений или же желая разобраться во внутренних переживаниях своей души, проследить и проанализировать ее эмоции, человек сразу убеждается, что все эти представления и чувствования состоят из столь нежных оттенков и тональностей, что обыкновенная речь уже не может их передать; здесь впервые в человеке проявляется новая способность, у него открывается *дар красноречия*. Под влиянием вдохновения человек

---

⁶⁶ Mackenzie K. Royal Masonic Cyclopaedia. 1877.

⁶⁷ См. Шрадер О. Сравнительное языковедение и первобытная история. СПб., 1886.

создает новое мощное орудие своему духу; неуловимые оттенки речи, тембр и высота звука непостижимым образом для разума самого оратора создают с душами слушателей иной путь общения. Но как только переживания начинают терять под собой физический мир, как только они переходят в мир дымчатых образов, грез и мечтаний, в мир непонятный уму человека, но столь близкий и ясный духу его, он убеждается, что слово не может подняться до них, не может вместить искр-эманаций его духа, а посему и не может зажечь ответное пламя в сердцах людей. И вот инстинктивно внутренний голос заставляет его следовать закону аналогии; он начинает говорить *притчами*, то есть пользоваться образами другого, низшего плана; здесь, по роду своего дарования, он эти притчи может облекать или в речь вдохновенного пророка, или в гармонию красок, форм или звуков; – так родилось искусство.

Совершенное произведение красоты – это застывшая песнь духа человеческого, будящая в сердцах других людей отзвук своему стремлению; эта притча, этот символ создают в душе каждого мощный порыв ввысь, вызывают в нем новые заветные стремления. Чем пламеннее порыв душевный, вложенный в этот символ, чем выше и чище побуждение его творца, чем выше его умение целиком отдаться своей идее, тем совершеннее и сама форма символа. На пути истории стремление к совершенству формы порой всецело завладевало искателями красоты, и все их стремления были направляемы именно на искательство формы; здесь дух живой уже отлетал от символа. Излишний реализм давал лишь восхищение взгляду, вызывал лишь преклонение пред талантом художника, но уже не мог заставлять трепетать дух зрителя, – индивидуальность автора, его мысли, переживания и стремления оставались невыявленными, и произведение искусства из чистого творчества, каким оно быть должно, превращалось лишь в подражание существующему, а всякое подражание, как бы совершенно оно ни было, является мертвым. Временами люди впадали в противоположную крайность; отказываясь от принятых общечеловеческих условных форм, они тем самым создавали не символы, а шифр, прочесть который уже никто, кроме них самих, не был уже в состоянии.

Человек способен предаваться форме и оставлять идею в забвении;
символы, множась, теряют свою силу.

Э. Леви⁶⁸

Переходя от душевных эмоций к переживаниям духа, человек уже не в силах создавать соответствующие образы для их запечатления; он должен был прибегнуть к более совершенному способу выражения своих чувствований. Так явилось искусство, уже не связанное условностями недвижимых форм, – родилась *музыка*. Здесь впервые человек получил свободу возноситься над условностями своего интеллекта и этим раскрыл возможность высшим сторонам своего «Я» проявляться осязаемым образом и принимать активное участие в общей работе человека. Неисповедимыми путями музыкальная гармония заставляет человека забыть свою личную жизнь и возносит его дух к лицезрению вечности. Вдохновенная, истинная музыка есть пение души, которая чудными звуками вливается в чужую душу, завоевывает и поработывает ее. Музыка служит спутником и выразителем мечтаний, чаяний и молений исстрадавшегося сердца; ей одной, без слов и доказательств, вверено красноречие утешения, ей свыше дана тайна духовного врачевания. Музыка не сон, но, убаюкивая слушателей, она будит в них далекие вещие сновидения, зовет их на путь высокого и прекрасного, раскрывает область чарующих, самоотверженных стремлений. Пифагорейцы знали, что музыка – математика в звуках; с такой же точностью, как математика об этом мире, говорит музыка о мирах иных.

Дух всегда и во всем ищет синтеза, но он создает его не путем скрупулезного исследования отдельных фактов, а чувствует непосредственно взаимную связь дифференцированных деталей; он всегда стремится к тому, чтобы в одном образе или идее объединить всю массу еди-

---

⁶⁸ Dogme et Rituel. P. 88.

ничных фактов, воспринятых разумом. Передовые представители рода человеческого мощью своего гения провидели в грядущем цель, к которой люди должны стремиться, и выражали этапы к ней в виде отвлеченных *идеалов*. Одновременно с утверждением цели эти гении указывали путь и давали средства достижения; силой своего духа они направляли все усилия людей в одном определенном направлении. Установив какую-нибудь идею, они отождествляли с ней все виды стремлений, делали ее близкой по уму и по сердцу каждому человеку, сводили к ее руслу все течения духа, мысли и чувства. Весь род людской охватывался тогда тяготением в одну сторону, он не только терял все другие интересы, не только забывал все предыдущие свои искания, но и начинал отрицать в принципе возможность самого их существования, допуская противное лишь для круглого невежества или злой воли. На пути истории человечество попеременно как бы сходило с ума то на одном, то на другом увлечении, неизменно превращавшемся в манию, пока явление нового гения не разрушало одним ударом всего этого, чтобы затем вновь создать увлечение и томительную жажду к новой цели. На пути всех веков развитие рода людского, всегда и неизменно, шло под одновременным воздействием сверху и снизу: работа толпы давала гениям почву, опершись на которую они могли отдаваться целиком синтезу и подыматься в заоблачную высь духа; откровения гениев, подобно лучу маяка, указывали толпе путь, звали и манили ее туда, где парил дух избранников; вот почему *гений есть воистину творение и творец народа*. С течением времени идеалы менялись, так как в различные времена человечество должно было идти по различным путям, но они не всегда замещались совершенно новыми, впервые являющимися на арене истории. В большинстве случаев, спустя известный срок времени, человечество опять приходило близко к тому, что уже было много веков раньше, ибо один завиток спирали эволюционного движения кончался, начинался путь по новому завитку. Вновь утвержденные идеалы, будучи аналогичны по существу с минувшими, в новом выражении своем были еще возвышеннее, еще недостижимее. Поставленные мировыми гениями идеалы обыкновенно отождествлялись с какой-нибудь высшей стороной человеческого духа. Этот естественный символ уже не являлся простой эмблемой, образом дел человеческих, простым запечатлением мысли; мощью духа создавшего его гения этому образу ниспосылался дар самостоятельного активного воздействия на все человеческие сердца. Поэтому этот образ уже перестает быть только условным обозначением, он выше неизмеримо символа в виде слова или числа, он содержит в себе новое могущественное качество – *жизненность*.

В своем стремлении к синтезу человек приходит наконец к постижению Первопричины всего существующего. Уже задолго до этого разум его должен был сознаться в своем бессилии познавать в Области Трансцендентального, ибо здесь только чистый дух человека может наблюдать, изучать и претворять чрез вложенную в него способность непосредственно воспринимать – его *интуицию*. Истинный искатель не удовлетворяется одним интуитивным восприятием, он начинает жаждать спроектировать его в свой разум, но вскоре убеждается, что воспринятое через откровение не может быть выражено никаким человеческим языком; человек неминуемо должен прибегнуть к более совершенным и возвышенным символам. И вот с того момента, когда он решается сообщить людям свои откровения, рождается *религия*. Способствуя сосредоточению, отрыву от обыденной жизни и проникновению в высшие сферы человеческого «Я», обряды и церемонии вместе с тем в самом своем начертании и внешних проявлениях содержат в себе в синтетической форме весь путь, который должен пройти человек, отдельные этапы этого пути и частные решения; эти обряды и церемонии, или, вернее, то действие, которое производят они на душу человеческую, называются *таинствами*. Здесь символ воспринимает еще новое могучее свойство, он не только жизнедеятелен вообще и способен активно вызывать те или иные вибрации, но он еще непосредственно раскрывает законы мироздания; здесь символ как бы становится *Учителем*.

Путем откровения человек способен еще дальше проникать вглубь вещей, еще больше приближаться к Божественной Сущности, Великие Посвященные своим духом воспаряли в такую высь, что они могли постигать Основные Принципы созидания миров, Неисповедимые Пути Божества, по Которым шло Его Проявление в космосе; эти Первоверховные Истины и были переданы человечеству в виде *Божественных Мистерий*. Мистерии еще выше, чем таинства, возносят дух человека; тут он не только уходит от обыденной жизни, не только воспаряет ввысь, но и теряет свою обособленность, сливается с космосом, чувствует себя частью Единого Целого. Мистерия есть тоже таинство, тоже символ, но уже отнесенный не к скорбному пути человека, а уже изображающий основы жизни всего мироздания во всем его великом целом⁶⁹.

Религия есть введение Божественной Жизни в человеческую душу.

*Б. Уайткол*⁷⁰

Но где тот Источник, из которого Великие Учителя человечества черпали свою силу? Как бы высоко ни стояли они и сколь бы нечеловеческим гением ни обладали, они все же оставались людьми, и Божественная Сущность в Своей чистоте и для них оставалась все же недостижаемо Великой. Этот Источник есть самый мир – Божество Проявленное, зиждущийся на двадцать одном Божественном Принципе; эти Принципы известны людям под именем *Великих Арканов*. Аркан есть символ, безмерно превосходящий по глубине все таинства и мистерии. Его жизнедеятельность бесконечна, потому что сила, вложенная в него, не есть творение отдельного человека, это есть Сам Дух Божий; его разум и мощь суть образы Совершенства Вседержителя; законы, открываемые им, суть законы всего космоса, потому что Аркан как аспект Божества есть Само Божество. **Как мистерии есть высший предел воспарения духа человеческого, так Арканы есть низший предел, до которого Божество непосредственно нисходит.** В своей совокупности Арканы содержат в себе все, весь Макрокосм и всякий Микрокосм; постигнуть Арканы во всем их целом – значит перестать быть человеком и стать Божеством. Эти Великие Символы суть вечные неисчерпаемые источники всей мудрости и являются единственными путями к восприятию Вечной Божественной Истины. Каждый Аркан, как подобие Божества и комплекс всех явлений мироздания, воспринимается человеком в виде символа различного порядка, в зависимости от степени его совершенства.

Одиноким узник, лишенный книг, в течение нескольких лет имея одно лишь Таро, которым бы он умел пользоваться, мог бы достигнуть Вселенского Ведения, мог бы говорить обо всякой проблеме с несравнимой эрудицией и с неиссякаемым красноречием. Этот путь, вообще говоря, есть истинный ключ ораторского искусства и Великого Делания Раймунда Луллия; это есть истинная тайна претворения мрака в свет, это есть первый и самый необходимый из всех Арканов Великого Делания.

*Э. Леви*⁷¹

Таким путем человек постепенно постигает своим духом Откровения Вечной Истины, и по мере того как Бессмертные Символы оживают пред его восхищенным умственным взором, они оживляют его самого, очищают его душу, преобразуют все его существо и дают свободу бессмертной искре Божества, тлеющей в нем, приобщиться к величавому и грандиозному покою – к Царственной Жизни Мироздания.

---

⁶⁹ Таковы были все мистерии Древнего мира. Таинства Деметры в Элевсине и мистерии Самофракии были прежде всего сценическими интерпретациями мировой космогонии. О христианских мистериях см.: *Литтре* Э. Аббатство, монахи и варвары на Западе / Пер. Л. Маркевича. Киев, 1889. С. 285–301.

⁷⁰ *Whitcole B.* Цит. по: Вестник Теософии. 1912. № 1. С. 2.

⁷¹ *Dogme et Rituel.* P. 356.

III. О геометрических методах исследования и метафизическом пространстве

Человеческое мышление есть последовательное чередование одних умозаключений и представлений за другими, и притом чередование *непрерывное*. В силу этого *при всяком рассудочном постижении всегда входит элемент движения, а следовательно, и понятие о времени*. Это последнее хотя и может иметь переменный масштаб, изменение которого находится в функциональной зависимости от развития данного человека, объекта мышления и его сложности⁷², но все же самое понятие о времени неизменно долженствует входить во всякий умозаключительный процесс.

Алгебраический метод исследования, то есть переход от решения данного частного вопроса к общему анализу всех ему подобных, может, естественно, применяться не только в сфере чисто математических проблем, но и вообще при всяком исследовании, каков бы его характер ни был⁷³. Так, благодаря вложенной в самую сущность человека наклонности к синтезу и обобщению человек уже на заре культуры, при решении обыденных житейских вопросов, пришел к созданию юридического права, которое по отношению к жизни находится в отношении аналогичном алгебры к арифметике. Переход от конкретных частных к общим положениям всецело зависит от личности обобщающего, а потому, вполне естественно, общие постулаты и решения всецело находятся в области относительного. Между тем человеческое мышление базируется на ряде основных форм умозаключений, которые, всегда и неизменно, лежат в основе всякого течения мыслей. Эти основные формы мышления и представляют собой те соотношения, которые и должны быть прежде всего точно определены, вполне сознательно выявлены и подвергнуты тщательному анализу. К глубокому сожалению, европейская психология почти совершенно не занималась исследованием проблемы об элементарных формах мышления, которые, естественно, не могут не лежать в основе всякой истинной теории познания. Со своей стороны, позитивная философия увлеклась почти исключительно критикой разума, то есть определением характера его природы, границ его власти и ценности заключений. Между тем, какова бы ни была ценность разума с абсолютной точки зрения, сам он, как часть природы, является также «вещью в себе» и имеет в силу этого вполне определенные законы, управляющие не только его эволюцией, но и обрисовывающие среди феноменальных внешних окрасок внутреннее вполне определенное нумеральное ядро. Разум рождается из чистого духа чрез утверждение некоторых первичных метафизических соотношений: бинера, тернера, кватернера и т. д. Вся дальнейшая его эволюция исключительно состоит в том, что он постепенно начинает оперировать со все более и более сложными элементами, чрез обобщение сложных групп представлений в единицы более высшего порядка.

Тысячу раз уже было замечено, что мозг мыслящего человека не превышает по своим размерам мозг дикого немыслящего человека; между ними нет ничего похожего на ту разницу, какая существует между

---

⁷² См. теорию Аксенова и Минковского.

⁷³ Среди попыток приложения математики к решению отвлеченных философских проблем на первом месте стоят исследования Вронского, одного из величайших математиков XIX в. Несмотря на глубочайший интерес его многочисленных сочинений, они остались неизвестными не только широкому кругу читателей, но и даже большинству специалистов. Главнейшая причина этому бесспорно заключается в том, что Вронский излагал свои доктрины, пользуясь такими вершинами теории чисел и алгебры, что даже следить за его мыслью для громадного большинства математиков представляется почти недоступным. Не рискуя затратить ряда лет на подготовительную работу, представители математической мысли, даже не пытаясь критиковать Вронского, попросту постарались затушить его деятельность и учение гробовым молчанием. На русском языке есть краткий очерк его идей: Гоёне Вронский и его учение о философии математики. Сост. В. В. Бобылиным, приват-доцентом Имп. Моск. ун-в. Москва, 1894.

умственными способностями мыслителя и дикаря. Причина этого явления кроется в том, что мозг Герберта Спенсера имел немногим больше работы, чем мозг австралийца, так как Спенсер оперировал в характеризующей его умственной работе все время при посредстве знаков или выкладок, которые заменяли ему понятия, в то время как дикарь совершает всю или почти всю свою умственную работу при помощи громоздких представлений. Дикарь в этом случае находится в положении астронома, делающего вычисления при помощи арифметики, Спенсер же – в положении астронома, оперирующего при помощи алгебры.

*Р. М. Бекк*⁷⁴

Всякое *алгебраическое* представление может быть интерпретировано методом *геометрическим*. Этот способ исследования настолько естественно близок человеческому духу, что, как известно, даже в чистой математике анализ геометрический родился на много веков ранее анализа алгебраического⁷⁵. *Всякий геометрический метод имеет то преимущество, что он обладает свойством наглядности, благодаря которому человек может все время следить за верностью своих построений*. Наоборот, метод чисто алгебраический требует от человека большой способности мыслить вполне отвлеченно, что неизмеримо более трудно и является доступным лишь наиболее развитым умам.

Все наши представления о величинах и протяжениях так или иначе связаны с непосредственно познаваемым трехмерным пространством. При помощи отвлеченных формул математики мы хотя и можем иметь абстрактные представления о пространствах иных качествах⁷⁶, как, например, пространства Лобачевского и Римана (в первом, например, кратчайшим расстоянием между двумя точками является не прямая, а кривая проектирующая в наше пространство в виде трактриссы), но для нашего разума все это остается пустым звуком. Имея дело с реальными геометрическими протяжениями, поверхностями и объемами, мы всегда мыслим их в трехмерном пространстве Евклида. Переходя к решению отвлеченных проблем методом геометрии, мы хотя и будем пользоваться ее фигурами, но эти последние теперь будут иметь уже иной смысл и значение; здесь они представляют собой лишь пространственную интерпретацию сущности, которая сама по себе лежит в другом мире. Вследствие этого пространство, в котором эти построения нами совершаются, по самой своей природе отлично от пространства геометрического; это пространство я называю **метафизическим пространством**. Вполне понятно, что евклидовская теория для такого пространства может иметь, а может и не иметь своей силы, и, кроме того, протяжения по различным координатам в нем могут иметь различные значения и наименования⁷⁷. На пути настоящего исследования мы будем широко пользоваться геометрическим методом анализа философских вопросов путем интерпретации их в метафизическом пространстве, которое мы будем наделять теми или иными свойствами для наилучшего исследования данной проблемы. Наряду с геометрическим методом мы будем также применять и чисто алгебраический способ решения отвлеченных проблем.

---

⁷⁴ Бекк Р. М. Космическое сознание. Петроград: книгоизд. «Новый Человек». С. 18.

⁷⁵ Между Евклидом и Декартом прошло более 1500 лет.

⁷⁶ Бонола Р. Неевклидова геометрия. СПб., 1910.

⁷⁷ Математика, а в особенности механика, как теоретическая, так и прикладная, уже давно широко этим пользуются, строя всякие диаграммы, которые могут быть не только плоскостными, но и пространственными (последн., напр., эпюра абсолютных наибольших моментов в простой балке).

IV. О системе и познании Арканов

Приветствую любовь твою к философии; радуюсь услышать, что душа твоя подняла паруса и направилась, подобно возвращающемуся Улиссу, к родным берегам к Славной, к единственно Реальной Стране, к Миру Незримой Истины.
*Плотин*⁷⁸

Священная Книга Тота есть система Верховных Доктрин, выражающих в своей совокупности Абсолютное Герметическое Синтетическое Учение о Божественной Первопричине, Человеке и Вселенной; все, что есть, сводится к этим трем Началам, модусам Единой Реальности, и объединяется в Единстве Ее Сущности. Это Учение есть совершенная форма Истины в разуме, Оно есть Ее полная проекция, законченная и исчерпывающая реализация. Чистый разум, высший манас, есть Божественная Категория, а потому ему дано воспринимать и запечатлевать отражение Истины в ее первородной девственной чистоте.

Как лицо полностью отражается в зеркале, так в интеллекте истинного искателя полностью отражается Дух.

Атмапурана

Разве может относительное понять Абсолютное? Конечно нет! Но может восчувствовать, соединяясь с Ним... Разве кусочек зеркала не отражает в себе все небо?... Разве весь великий голос океана не распевает в глубине самой смиренной раковины, имевшей счастье (говорит легенда) выдержать хотя бы в продолжении часа его необъятный и звучный поцелуй? Так, экстаз дает восхищенной душе возможность напитаться Бесконечным, дает когда-то присущее ей понятие Абсолюта, приносит неистощимый шепот самого Откровения, заключающего в Себе все Я, не будучи заключено ни одним. Какое упоение!.. Погружать свою индивидуальную жизнь в коллективный океан Жизни Необусловленной или иметь возможность вдыхать силу чистого духа, – и этим питаться! Это есть последнее Посвящение, окно, открытое на необъятный Божественный Свет и Божественную Любовь, на Небесную Истину и Красоту. Снова найти путь к первобытному Эдему!

*С. де Гуайта*⁷⁹

Подвижники, имеющие веру, имеют и дар воспарения; покоящиеся на откровении, поддерживаемые наукой и оторванностью от всякого желания, видят в глубочайших тайниках своей собственной души Начало, которое есть Дух Верховный.

Бхагавата пурана

Разум есть одна из познавательных способностей человека, могущая достигать различных степеней совершенства и имеющая свои достоинства и недостатки; анализируя чистый разум, пользуясь чувством синтеза, испытующий дух его имеет возможность составить а priori себе представление о его истинной чистой природе. Здесь разум претворяется в *начало тварности сознания*, из воспринимающей способности он делается субстанциональной силой, управляющей формальной стороной жизни сознания и устанавливающей как чередование модусов

---

⁷⁸ Плотин. Письмо к Флакку.

⁷⁹ La Clef de la Magie Noire.

этого сознания, так и его закономерность. Разум в своей высшей форме, таким образом, из орудия сознания становится самой его природой, то есть делается категорией, непосредственно присущей самому духу. В гармонии с этим разум становится расчленяющим началом двух основных форм самосознания духа: самосознания себя как такового, в чистоте своей однородной природы, и тварного самосознания в совокупности своих отдельных потенций, атрибутов, получивших в присущих им сознаниях иллюзорность независимого бытия. Таким образом, **верховный принцип разума есть начало самоутверждения духа как первообраза**, то есть, иначе говоря, вся жизнь во всем ее целом, как процесс самоутверждения духа, лежит целиком в гранях разума, представляющегося по отношению к ней конечным абсолютным Началом. Вследствие этого всякое человеческое сознание, с одной стороны, связано необходимостью самоутверждения в разуме, а с другой стороны, этот разум представляется по отношению к нему Абсолютом. Изложенное резюмируется формулой: **человек живет в мире разума, разумом и в разуме и может воспринимать Абсолютный Синтез не иначе как в виде Совершенного Разума.**

Это учение называется Каббала, что, согласно учению евреев, есть восприятие какой-либо истины, интуитивно открываемой душе разумной. Итак, Каббала есть свойство разумной души познавать Божественные вещи непосредственно разумом, вследствие чего она должна называться Божественной Наукой, как вообще, так в особенности как Наука о Боге.

*Р. Луллий*⁸⁰

Ты спрашиваешь: как можем мы познать бесконечное? Отвечаю – не разумом. Дело разума – различать и определять; Бесконечное поэтому не может стоять в ряду его объектов. Бесконечное ты можешь постигнуть лишь высшей, чем разум, способностью, приходя в состояние, в котором уже ты перестаешь быть своим конечным Я, в котором тебе сообщается Божественная Сущность. Это экстаз, это освобождение твоего ума от его конечного сознания. Подобное может познать только подобное; когда ты перестанешь быть конечным, ты становишься одним с Бесконечным. Приведя твою душу к ее простейшему Я, к ее Божественной Сущности, ты осуществляешь это единение – эту тождественность.

*Плотин*⁸¹

В нормальном состоянии разум и сознание неотъемлемы друг от друга; все то, что человек объемлет своим сознанием и что составляет относительный, ему одному присущий мир, – им познается в разуме, и потому этот мир носит наименование *мира интеллектуального*. Обладая чувством синтеза, человек сам утверждает свой интеллектуальный мир как частный индивидуальный аспект истинного мира, с формальной стороны являющегося комплексом индивидуальных миров, а по своей сущности зиждущегося на двух полярных Началах, сводящихся в конечном синтезе в Абсолют. Эти два Начала суть: Мир Субстанциональных Деятелей, *Мир Божественный* и внутренняя природа феноменальной картины мира, *Космическая Пассивная Среда*. Изложенное резюмируется формулой: **человек живет в мире реализующихся импульсов, но чувством синтеза достигает априорного познания полярно противоположных Начал, Субстанциональных Деятелей, лежащих один выше, а другой ниже его интеллектуального мира по порядку синтеза и в совокупности выражающих космическую двигательную разность потенциалов, внешнее активное отражение Конечной Реальности.**

---

⁸⁰ *Lull R. De Auditu Kabbalistico, sive ad omnes scientias introductorium. Strasbourg, 1651.*

⁸¹ Письмо к Флакку.

Верховное Синтетическое Учение имеет своей главной доктриной Единство Абсолютной Реальности, Мировой Первопричины. Это есть верховная аксиома, первичная истина, и из этой доктрины выливается все стройное здание Герметической Науки. Единая Реальность есть Космический Дух, *Omnipotentia Naturalis*, Абсолютный, а потому Однородный; «Он есть все, и есть только Он», – такова истинная природа Параматмана. Бытие этого Духа есть *Самосозерцание*, космическая игра светотеней, переориентировка бесконечных потенций в бесчисленных сочетаниях. Этот Верховный Дух раздваивает Свое Самосознание, через порождение *иллюзии тварности*, в Своей среде Он создает отдельные *волевые центры*, утверждаемые им присутствующими единичными индивидуальными модусами Самосознания. Эти волевые центры, оставаясь по своей истинной природе частями Единого Целого, в своих индивидуальных сознаниях теряют связь с этим Целым и начинают жить как самостоятельные субстанции второго рода. Подобно Целому, они начинают утверждать себя, создают единичные, индивидуальные меры, различно освещая своими сознаниями истинный мир, утвержденное Тварное Сознание Единой Реальности.

Всемогущий Юпитер, или каким другим именем угодно будет Тебе называться!⁸²

Форма призыва Юпитера в Древнем Риме

Верховное Синтетическое Учение, Священная Книга Тота, есть система доктрин, выражающих отдельные этапы последовательного хода Самоутверждения Единой Реальности, а с другой стороны – раскрывающих совокупность путей, законов и принципов, по которым творческий дух человека, создавая свой собственный мир, воссоздает некогда нарушенное Единство и утверждает себя в Нем как сознавшая себя часть в Целом.

Личность Еноха, автора первой Священной Книги, в сущности, идентична с личностью Тота у египтян, Кадмуса у финикийцев и Паламеда – греков.

*Э. Леви*⁸³

Священная Книга Тота есть собрание 78 Арканов, которые издревле сохранились и дошли к нам в виде 78 символических изображений. Относясь одновременно ко всем областям мысли и произведений духа человеческого, Арканы уже в седой древности были запечатлены самым различным образом. Наиболее доступными познанию являются традиционные символические изображения, которые в Древнем Египте были высечены на стенах храмов и с разрушением Египта пережили его, будучи изображены на монетах, папирусах и таблицах и, наконец, в причудливых символах средневековой мистики, вплоть до общеизвестного цыганского Таро наших дней.

Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих; но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей; которой никто из властей века сего не познал.

1-е Коринфянам 2:6–8

Каждый Аркан имеет свои символические соответствия в самых различных областях знания людей. Десятиричная система счисления, чрез введение понятия о нуле, дающем единице новое значение и высший порядок, непосредственно проистекает из системы Арканов, в аспекте ее интерпретации Каббалой в системе Сефирот. Алфавиты всех древнейших язы-

---

⁸² Jupiter omnipotens vel quo alio nomine appellari volueris!

⁸³ Dogme et Rituel. P. 359.

ков земли непосредственно вытекают из системы Арканов, и рождение каббалистики (в узком значении этого слова), символики букв, представляется первым следствием этой связи. Вся мифология древних народов так или иначе связана с Великим Памятником, и в религиях народов с наибольшим развитием этим духовным, как, например, в Индии и Элладе, весь пантеон божеств есть не что иное, как символизация системы Арканов. Древняя наука о душе и звездах, астрология, запечатлела на скрижалях своих те же великие принципы на фоне неба в виде планет и созвездий зодиака и на пути веков увлекала своих адептов к изучению своей неземной символики.

Горе тому человеку, кто не видит в Законе ничего другого, как простых рассказов и обыкновенных слов! Ибо, если бы в действительности Закон бы не содержал ничего другого, мы бы могли, даже сегодня, составить тоже Закон, вполне достойный преклонения в каком-либо другом отношении. Не видя ничего, кроме простых слов, мы бы могли хотя бы обратиться к законодателям земли, у которых часто находят еще более величия. Нам было бы достаточно подражать им и составить Закон по их словам и их примеру. Но это не так в действительности: каждое слово Закона содержит возвышенный смысл и тайну верховную. Повествования Закона суть его одеяния. Горе тому, кто принимает одеяния за самый Закон! Именно в этом смысле Давид сказал: «Бог мой, открой мне глаза, чтобы я мог постичь чудеса Закона». Давид хотел сказать о том, что скрыто под одеждой Закона. Есть безумцы, которые, видя человека, покрытого хорошим одеянием, не устремляют далее своих взоров, а между тем то, что дает ценность одеянию, есть тело, и то, что еще более ценно, – душа. Закон также имеет свое тело; есть повеления, которые можно назвать телом Закона. Обыкновенные повествования, которые с ними перемешиваются, суть одежды, которыми это тело покрыто. Простецы не останавливаются ни на чем ином, как на покрывалах и повествованиях Закона, они не знают другой вещи, они не видят того, что сокрыто под этим покрывалом. Люди более ученые не останавливаются на покрывале, а лишь на теле, которое им покрыто. Наконец, мудрецы, служители Верховного Царя, Того, Кто живет на высотах Синая, занимаются лишь душою, которая есть основа всего другого, которая есть Закон как таковой; в будущих временах они будут подготовлены к тому, чтобы созерцать душу этой души, которая дышит в Законе.

Зоар

То, что вы принимаете за полную мысль Моисея, есть лишь самая грубейшая ее интерпретация. Вы сражаетесь против фантомов, против покрывала Исиды, но богиня находится сзади, улыбающаяся и также вас любящая.

*Ж. А. Сент-Ив д'Альвейдр*⁸⁴

Кто настолько глуп, чтобы подумать, будто Бог, по подобию человека-земледельца, насадил рай в Эдеме на востоке и в нем сотворил дерево жизни, видимое и чувственное, чтобы вкушающий от плода его телесными зубами тем самым обновлял свою жизнь, а вкушающий от плодов древа (познания) добра и зла участвовал бы в добре и зле? И если говорится, что Бог вечером ходил в рай, Адам же спрятался под деревом, то, я думаю, никто не сомневается,

---

⁸⁴ Mission des Juifs. P. 67.

что этот рассказ образно указывает на некоторые тайны, через историю только мнимую, но не происходившую телесным образом.

*Ориген*⁸⁵

Ясными, резкими гранями система Арканов разделяется на три части. Первую составляет Аркан 0, гласящий о Божестве и мире и слиянии их в Абсолюте, Сущности Божественной, Эйн Софе Каббалы, «Не То» индусов. Вторую часть составляют 21 Аркан, гласящий о целостном человеке, о рождении его из Абсолюта и принципах его существования, определяющих синтез и смысл его жизни. Последние 56 Арканов, в противоположность первым – *Великим*, называются *Малыми*, они составляют третью и последнюю часть Великой Книги и гласят о природе вещей и человеке как члене и звене в целостной жизни мироздания. Это единственное абсолютное разделение Книги Мудрости интерпретируется в ее общем символе, то есть – квадрате, имеющем внутри треугольник, а посередине точку. Точка, как и нуль, является естественным символом Абсолюта, навсегда и в принципе недоступного пониманию нашему; нуль выше всякого числа, он всякое из них в себе содержит, и вместе с тем он навсегда недоступен пониманию и познается лишь путем приближения. Треугольник – это символ Реальности; все, что существует, человеком познается в тернерах, все другое есть абстрактные формы мышления, которые оживают постольку и постольку существуют, поскольку им дает жизнь принцип тернера – эта единственная и естественная эмблема бытия. Квадрат – это символ мира реализации, мировой иллюзии – майи, зиждущегося на четырех стихийных принципах, осуществляющих как само его бытие как таковое, так и определяющих русло течения всей его жизни.

Единственная Реальность, Истинная и Непреложная, раскрывается познанию испытующему духу человека в виде системы 21 Великого Аркана, составляющего вторую часть Священной Книги Тота; к первой мы можем лишь приближаться постольку, поскольку мы будем синтезировать воедино знания, полученные из второй; третья часть будет становиться доступной пониманию постольку, поскольку мы сумеем общие принципы, почерпнутые из второй, прилагать в мир, нас окружающий. Таким образом, путь к познанию один, он вполне абсолютен для каждого человека и раскрывается духу его Божественным Светом 21 Великого Аркана.

Даже истинные мнения стоят немногого, пока кто-нибудь не соединит их связью причинного рассуждения.

*Платон*⁸⁶

Каждый Аркан – есть абсолютный принцип, в своей чистоте первородной скрывающийся от испытующего духа нашего в пучинах Абсолюта, где он становится его аспектом совершенным, как Само «Не То», а потому он выше пределов познаваемого. В мире целостного человека принцип каждого Аркана претворяется в систему абсолютно совершенных законов и предначертывает и создает аспект этого мира. В мире природы каждый Аркан расплывается в систему законов ее жизни и создает самую сущность ее, ибо законы природы – есть и сама природа. Так каждый Аркан гласит о трех мирах; вот почему Наука Царственная постижения Арканов носит имя Науки о Боге, о Человеке и о Вселенной.

Предмет философии тройственен: Бог, Природа и Человек.

*Р. Бэкон*⁸⁷

Настоящее исследование имеет своей целью изучение первых двух частей Книги Тота – Великих Арканов, гласящих о Боге и Человеке. Проистекая из неведомой седой древности человечества, преемственная традиция передает последовательность и нумерацию Арканов;

---

⁸⁵ *Origen*. De princ. IV, § 16 (по греч. текст. Филокалий).

⁸⁶ *Platon*. Meno. P. 385.

⁸⁷ *Bacon R.* Philosophical Works. 1858. Philosophiae objectum triplex: Deus, Natura et Homo (Предмет философии тройственен: Бог, Природа и Человек).

причем 21-й Аркан имеет два обозначения: Аркан XXI или Аркан 0, а 22-й Аркан – Аркан XXI или Аркан XXII. Система 22 Великих Арканов представляет собой исчерпывающее, замкнутое целое; их число и порядок представляются не случайными, а проистекают из чистого разума.

Вещь справедлива не потому, что этого хочет Бог, но Бог именно потому ее желает, что она справедлива.

Св. Фома

*Каждый отдельный Аркан есть полное Космическое Учение в определенном индивидуальном сознании, он проникает повсюду, решает все вопросы, раскрывает все доктрины и законы, но все это он неизменно равно освещает своей индивидуальностью. Отдельный Аркан – это Абсолютное, видимое в зеркале относительного, и тот, кто знает свойства зеркала, присущие ему самому, может, пользуясь чувством синтеза, выявить в своем сознании Абсолютное в его истинной природе. Именно благодаря этому **каждый Аркан есть часть и Целое, он заключает как себя самого, также и другие Арканы; Совершенный Человек, обладающий полнотой чувства синтеза, может одинаково постигать как через любой отдельный Аркан, так и через любые их сочетания.** На пути всемирной истории учения отдельных Арканов, будучи сокровенной сущностью религий, составляли Конечную Науку об Абсолюте и давали полные, исчерпывающие решения. Эти учения были отличны от других подобных только в глазах толпы, ибо высшие представители аристократии духа через развитое чувство синтеза неизменно видели Один и Тот же Абсолют под всеми этими покровами, в одной и той же чистоте первородной.*

Вселенский ключ магических искусств есть ключ всех древних религиозных учений, ключ к Каббале и Библии, «ключик Соломона». Так как этот «ключик», считавшийся потерянным на пути веков, мы нашли вновь, то мы можем открыть все могилы Древнего мира, заставить говорить мертвецов, увидеть вновь все величие памятников прошлого, понять загадки всех сфинксов и проникнуть во все святилища.

*Э. Леви*⁸⁸

Каждый отдельный Аркан в своей истинной природе есть аспект Самосознания Единой Реальности, а потому всякий Аркан есть сама Реальность. Подобно самоутверждающемуся духу, каждый Аркан утверждает свою заповедную сущность в присущем ему метафизическом теле. Будучи субстанцией, Аркан из своего собственного существа развертывает и эмануирует законы и принципы в строгой гармонии с представившимся ему пассивным полем действия. Чем ниже метафизический уровень этого поля, тем дифференциальнее и конкретнее эмануируемые Арканом принципы и законы. В силу этого постижение Аркана идет в строгой зависимости от личности познающего и ее особенностей; Аркан всегда будет активен по отношению к воспринимающему сознанию, то есть, иначе говоря, **постигание Аркана всегда идет сверху, но предельная вершина познанной доктрины обуславливается развитием познающего человека.**

Целостность и замкнутость Системы Арканов проистекает не только из единства и общности объекта их учений, иначе говоря, они связаны между собой не только в высших трансцендентальных доктринах и принципах, аспектах Абсолюта. Чем полнее и совершеннее человек выявляет в своем сознании их отдельные следствия, тем более он убеждается, что отдельные Арканы дополняют друг друга. Совокупность двух или нескольких Арканов не только повышает порядок индивидуальности учения, приближая его к Абсолютному, но и увеличивает особым образом глубину законов и понятий. Хотя все Арканы равноправны между собой, будучи полными учениями, но все же они все в самом существе своем отличны друг от друга,

---

⁸⁸ Dogme et Rituel. P. 338.

будучи различными аспектами Самосозерцания Реальности. Все сознаваемое и само сознание есть движение, есть вибрирование; глубина сознания и его тембр зависят от природы и высоты колебания духа; *каждый Аркан и присущее ему сознание утверждается видом и высотой этих вибраций*. Подобно тому, как, изменяя густоту одной и той же краски, художник может написать любую картину, так и каждый отдельный Аркан раскрывает любое учение. **Вселенная в аспекте одного Аркана есть картина, написанная одной краской; совокупность Арканов есть гамма красок духа; система всех Арканов есть многокрасочная картина мира.** Вот почему, хотя каждый Аркан раскрывает то же самое Герметическое Учение, но только их полная совокупность делает это Учение Абсолютным.

В момент Сотворения мира, огненным резцом выгравированные на августейшей короне Господа, двадцать две буквы иудейского алфавита вдруг сошли со своих мест и разместились перед Ним. Затем каждая буква сказала: «сотвори мир через меня».
*Рабби Акива*⁸⁹

В гармонии с изложенным каждый Аркан, будучи, вообще говоря, причиной и следствием всех остальных, вместе с тем тембром своих вибраций занимает совершенно определенное, одному ему присущее место. Одна и та же Космическая Реальность, Мировая Первопричина, сознавая Себя в различных уровнях синтеза, ориентирует отдельные аспекты Своего Самосознания в инволютивной преемственной цепи. Последовательная совокупность Арканов, выражающая процесс Самоутверждения Космического Единого Однородного Духа в совокупности Своих дифференциальных манифестаций, есть абсолютная основа всех космогонических учений. **Космогония есть творчество человеком мира в своем сознании как естественный и единственно возможный путь расчленения целостного мироздания в последовательную совокупность Верховных Творческих Космических Принципов по порядку синтеза.** Первые 10 Арканов и являются мировой космогонией. Аркан I учит о Единстве Вселенского Духа и Его Трансцендентальном Бытии; Аркан II есть Учение о Его Внутреннем Однородном Трансцендентальном Сознании, Аркан III раскрывает Доктрину о Божественной Природе как Тварном Сознании Космического Духа, представляющем собой по отношению к внешней феноменальной природе Источник ее Произрождения; Аркан IV есть учение о Логосе как совокупности единичных индивидуальных монад, эманлирующемся ввне Нерасчлененного Божественного Единства для возможности независимых самоутверждений отдельных Первообразов – аспектов Реальности; Аркан V учит о сознании и индивидуальности отдельной монады, о расколе и вихревой природе сознания; Аркан VI представляет собой учение о космической семье монад и подобии мира Божеству; Аркан VII есть учение о монаде как самоутверждающемся Первообразе; Аркан VIII учит о законах личности и сверхличной природы; Аркан IX – о человеке, как утвержденном Первообразе; Аркан X – о мире как устойчивом и замкнутом вихре – утвержденной Тварной Природе Божества. Первые 10 Арканов лежат в Мире Принципов и представляют собой Верховные Трансцендентальные Доктрины, в своей совокупности раскрывающие человеку внутреннюю затаеннейшую сущность мироздания; эти Арканы неразрывно связаны друг с другом, выливаются один в другой и только в своей полной совокупности представляют полную картину и притом целостную и замкнутую. Вторые 10 Арканов связаны с первым законом строгой аналогии и являются Активными Космическими Деятелями, реализующими доктрины первого цикла. **Первые 10 Арканов суть учение о мире Духа, вторые 10 Арканов учат о космической среде, и благодаря этому каждый цикл освещает мир с только одному ему присущей точки зрения.** Аркан 0, или Аркан XXI, и Аркан XXII представляют в своей совокупности Конечный Синтез. Аркан 0 есть

---

⁸⁹ *Рабби Акива*. Алфавит рабби Акивы.

учение об Абсолютной Мировой Первопричине, о Единой Реальности; Аркан XXI есть Самосознание Реальности в аспекте Единого Духа, грезящего о своей майе, а потому этот Аркан синтезирует цикл первых 10 Арканов; Аркан XXII есть Самосознание Реальности в аспекте мировой среды, единой феноменальной quasi-Реальности, а потому этот Аркан является синтезом вторых 10 Арканов.

Такова в общих чертах стройность и целостность системы Арканов. Будучи венцом всех изысканий человеческого духа на пути веков в области Вечного – Арканы имеют право на авторитет. Они не требуют слепой веры, но всякий человек, встретившись с ними, должен хоть на некоторое время удержаться от бесполезных вопросов и выслушать хоть первые слова, которые вещают эти символы. «Credo ut intelligam» («Я верю, чтобы понять»)⁹⁰, – должен сказать всякий приступающий к постижению, и в этом состоит первый залог его успеха. Если он будет опрашивать раньше, чем они что-либо услышат, то ему не суждено будет пройти в Святилище; лишь тот, кто почувствует трепет перед тысячелетним Памятником Истины, может приобщиться к его ведению. Чем дальше пойдет он по раскрывшемуся пред ним пути, тем величественнее и стройнее предстанет пред ним древнее как мир Верховное Синтетическое Учение. Если все первые философы искали Конечные Принципы, то здесь они смогут воочию убедиться, что они в действительности есть, что они выражены со всем совершенством и что их именно столько, сколько Арканов в Книге Тота *non solum rationae imperii, sed etiam imperio rationis*.

В совершенном сознании Арканы представляют собой замкнутое целое, в котором все отдельные члены одинаково достигают полного совершенства, но это сознание свойственно лишь чистому духу; всякий искатель, эволюционируя на пути своем, всегда познает одни Арканы с большей глубиной, чем другие, и именно в этом и лежит залог его успеха. Каждый более совершенно познанный Аркан своим светом озаряет все другие Арканы и вызывает у человека стремление постоянно переносить прилагаемые им усилия на вновь возникающие вопросы в системах других Арканов. Таким путем *человек как бы попеременно находит себе опору то в одном Аркане, то в другом, и постепенно, вновь и вновь обходя вокруг, он движется вверх по спирали*. Арканы лежат за пределами времени, они выше даже принципа его, а потому самое понятие о последовательности их может существовать лишь в относительном сознании. Каждый человек, выявляя их в некотором пространственном наклонном сечении, тем ставит в своем сознании одни синтезом других. Это свойство познания является неизбежным для нашего мышления, ибо *великая система Арканов гласит о Природе Живой как эманации Бога Живого, а потому процесс мирового творчества непрерывен и как таковой претворяется в нашем сознании в виде перманентного приоритета первых Арканов над последующими*. Принцип последовательности для воплощенного сознания абсолютен, как абсолютен и для всего физического сознания, а потому, всегда и неизменно, последующие Арканы будут выявляться лишь до тех пор, пока не исчерпана сила предыдущих; вслед за этим человек неминуемо должен возвращаться к первичным принципам, ибо они с этих пор перестают давать ему опору.

Величие и мощь системы Арканов сказываются прежде всего в том, что с самых первых шагов пути своего человек получает возможность совершать свою работу по строгой, идеально закономерной системе. *Классификация* – это колыбель всякой науки, всякого познания, без нее невозможно изучение даже простого преходящего знания ока. Человек никогда бы не смог подняться в те заоблачные вершины духа, куда зовет его призвание, если бы с первых шагов выраженного им ясного желания постигать он не был бы самими законами природы заботливо охраняем и направляем в нужную сторону, где минимальная затрата усилий дает максимальные по значению результаты. Когда человек приступает к сознательному и последовательному постижению мироздания, когда он начинает изучать Великую Книгу Арканов и

---

⁹⁰ Святой Ансельм.

пред восхищенным взором его раскрываются все новые законы и принципы, он вместе с тем неизменно убеждается, что все познаваемое им, непонятным для него самого путем, ориентируется в строгой и совершенной системе. *Система Арканов есть прежде всего для всякого ученика идеальная философская машина, которая постоянно помогает ориентироваться в новых вопросах, замечать недочеты, сравнивать и оценивать, располагать, и синтезировать, и намечать на будущее русло своей жизни и течение своего развития.*

Это есть истинная философская машина, которая препятствует духу впасть в заблуждение, всецело вместе с тем представляющая ему его инициативу и свободу; это есть математика, приложенная к Абсолюту, есть союз позитивного с идеальным, это есть чередование мыслей совершенно точных, как числа, наконец, это, по всей вероятности, то, что есть наиболее простого и вместе с тем возвышенного из всего доступного человеческому гению.

Э. Леви⁹¹

Прежде всего необходимо заметить, что Таро представляет собой *философскую машину*, имеющую несколько применений:

а) Оно дает возможность *откладывать* в различных графиках (подобно вышеприведенным треугольнику, точке и квадрату) и символах метафизические идеи, трудно укладываемые или совсем не укладываемые в слова.

б) Оно является *орудием ума*, необыкновенно усиливающим его способность к метафизической интуиции.

в) Оно является неизменным средством для гимнастики ума, для его идеалистической тренировки, для расширения сознания, для приучения его к новым расширенным понятиям, к мышлению в мире высших измерений, к пониманию символов.

В бесконечно более широком, глубоком и разнообразном смысле *Таро* по отношению к метафизике представляет то самое, чем являются счеты по отношению к арифметике, то есть средство откладывать найденное, находить новое и развивать ум в желаемом направлении.

П. Успенский⁹²

Человек может подходить к изучению Великих Арканов с многоразличных сторон; даже более того, путей их постижения столько, сколько людей, ибо каждый человек имеет свой собственный путь, разнствование которых увеличивается с развитием людей. Вначале оно касается лишь формы восприятий и проистекает из того, что знания отдельных людей всегда чресполосны лишь в некоторых пределах, остальная часть знания у различных людей различна. С развитием людей чресполосность их знаний увеличивается, они начинают как бы друг друга дополнять, и в силу этого разнствование восприятий по их форме уменьшается настолько, что с первого взгляда может показаться, что все эти различные пути начинают сливаться в один путь. Действительность противоположна этому кажущемуся явлению. С увеличением знаний в человеке постепенно начинается просыпаться сознание духа, и в строгой гармонии с этим происходит постепенное развитие *индивидуальности*. Различие между людьми неразвитыми проистекает лишь от различия их предшествовавшей жизни; истинная индивидуальность раскрывается в душе человека сознаваемым образом лишь после долгой и усиленной работы и служит наилучшим показателем его быстрого роста. Из изложенного вытекает, что общие указания о

---

⁹¹ Dogme et Rituel. P. 355.

⁹² Успенский П. Д. Символы Таро, философия оккультизма в рисунках и числах. СПб., 1912.

наилучшем методе и наиболее разумной последовательности постижения Арканов могут быть даны лишь для первых шагов человека, когда его личная индивидуальность еще не развита настолько, чтобы формы мышления, предложенные другим человеком, были бы в принципе лишены возможности ему служить. Во всяком случае, однако, этот период не может простирается менее как на целый ряд лет напряженной и интенсивной работы. Вот почему крайне важно для всякого начинающего знать наперед наиболее совершенную и планомерную систематику его работ, ибо хотя он и может к ней прийти самостоятельным путем, но все же это может оказаться для него если и не непосильным, то, во всяком случае, весьма затруднительным. Человек, лишенный еще самостоятельной мысли, должен получить поддержку, и такая дается ему древней традицией; использовав ее окончательно, он может и должен уже сам намечать свой путь и приводить его в исполнение.

Философия подчас претворяется в верование для того, чтобы стать доступной массам.
Э. Леви⁹³

Будучи конечным верховным синтезом, Великие Арканы могут постигаться с самых различных сторон. Нет ни одного крупного представителя мистицизма, который бы не понимал величия этого Учения и его систематики, хотя бы как *идеальной философской машины*.

На первом месте стоит Каббала евреев; учение о мистических значениях букв еврейской азбуки является древней Герметической Наукой об Арканах во всей чистоте. Каждая буква соответствует Аркану, а потому изучать по Каббале тайны **⌘** значит изучать Аркан I и т. д.; с другой стороны, космогоническая система Сефирот есть эквивалент цикла первых 10 Арканов; в силу этого мистика гебраизма есть один из лучших путей к изучению Арканов; происходя из Египта, оба этих Посвящения неразрывно связаны между собой.

Почему пишем мы эту букву одним символом (**⌘**), но образуем ее из трех знаков? Потому что она понимается как одна, наподобие Бога, Кто есть Един, хотя в то же время признание Его Имени Тройственно и тройственно Его прославление.
Рабби Акива⁹⁴

Каббалистическая литература, подобно всем мистическим сочинениям Востока, обладает крупным недостатком, заключающимся в отсутствии систематики и преемственности изложения. Книги Каббалы до такой степени страдают этим недостатком, что уяснение их идей требует весьма большой работы. Излагая учения высочайшей мудрости, они сплошь да рядом смешивают их с тенденциозными повествованиями, а порой и с узкими закоренелыми заблуждениями. Это обстоятельство дало повод целому ряду авторов сказать, что свод еврейских учений есть ярмарка, на которой можно найти все, от редчайшего жемчуга до никчемной ветоши. Учение Священной Книги Тота хотя и сквозит с очевидностью через все хитросплетения иудейских писателей, но все же отдельные доктрины ее доступны постижению лишь путем скрупулезного исследования. С особенной яркостью учение Гермеса выступает у наиболее ранних авторов. Среди них на первом месте стоит рабби Акива, который в своем «Алфавите» стремился выразить это учение во всей его чистоте. Симеон бен Йохай, Исаак Лория, Маймонид, Ибн Эзра, Моше Кордоверо и другие почти с исчерпывающей полнотой выявили учение о Меркабе, то есть о космогоническом происхождении человека и его месте во вселенной. Ряд других авторов дают возможность дополнить это учение до стройного целого. Рассматривая их произведения, мы видим, что указания на Арканы как на конечные принципы всякого Богопознания вообще встречаются среди самых разнообразных повествований. Так,

---

⁹³ Dogme et Rituel. P. 20.

⁹⁴ Алфавит рабби Акивы.

например, мы можем указать следующие места в «Зоаре» (букв. «Сияние»), непосредственно относящиеся к Книге Гермеса:

I, 15 в, 17 ав, 19 в, 21 а, 25 в, 30 в, 32 в, 51 а, 55 в, 77 ав, 94 в, 95 в, 96 а, 143 а, 145 а, 159 а, 193 в, 204 а, 205 а, 210 а, 224 а, 234 в, 239 а, 249 в.

II, 9 а, 51 в, 53 в, 91 а, 128 а, 132 а, 134 а, 135 а, 137 а, 139 а, 151 а, 159 а, 168 а, 172 в, 180 а, 181 а, 209 в, 212 в, 226 в, 227 а, 233 а, 235 в.

III, 2 ав, 10 в, 35 в, 52 а, 57 а, 65 в, 66 в, 74 в, 77 в, 78 а, 91 в, 105 в, 155 а, 156 в, 180 в, 210 а.

Весь европейский мистицизм связан с Каббалой, а потому его представители, сознательно или бессознательно, на пути веков занимались изучением Священной Книги Тота. Астрология, хиромантия и алхимия – отдельные ветви Единого Знания, посвятившие себя изучению феноменальной природы при свете синтеза, сводят магнетические и флюидические влияния к определенным импульсирующим субстанциональным фокусам – активным деятелям в виде звезд и планет и их герметических соответствий; но эти последние суть те же Арканы: 12 знаков зодиака, 7 планет и 3 Буквы-Матери (𐤀𐤌𐤎) по «Сефер Йецира» в точности соответствуют 22 Арканам Книги Тота.

Несмотря на всю безграничность влияния Книги Гермеса на историю человеческой культуры, сам этот памятник как таковой оставался неведомым не только широким массам, но даже многим из преданных учеников оккультной науки. Большинство авторов мистических сочинений указывали лишь на существование какого-то тайного, всераскрывающего ключа, но не только не задавались целью дать хотя бы краткое его описание, но и хранили строгое молчание относительно самого его имени.

Среди сонма апокрифических преданий о Иисусе Христе заслуживает глубокого внимания XLVIII глава «Евангелия отрочества»⁹⁵ (Evangelium Infantiae arabicum), в которой обрисовывается прирожденное высочайшее ведение Христа мистических тайн букв еврейского алфавита, то есть Арканов Книги Тота.

Был человек в Иерусалиме по имени Закхей, который учил юношество. И он сказал, обращаясь к Иосифу: «Почему, Иосиф, не присылаешь ты ко мне Иисуса для того, чтобы Он научился грамоте?» Иосиф решил последовать этому совету и сказал об этом Марии. Они отвели тогда ребенка к учителю, и когда тот Его увидел, он написал алфавит и сказал Ему произнести Алеф. И когда Он это сделал, он приказал Ему произнести Бет. Но Господь Иисус ему сказал: «Скажи мне сначала значение буквы Алеф, и тогда я произнесу Бет». Тогда учитель захотел его ударить, но Господь Иисус начал ему рассказывать значение букв Алеф и Бет, каковы суть буквы, которых форма прямая, у каких она косая, какие из них двойные, те, которые сопровождаются точками, и те, которые их лишены, и почему такая буква предшествуется другой, и Он сказал ему много *таких вещей, каких учитель никогда не слышал и которых он не читал ни в какой книге*. И Господь Иисус сказал своему наставнику: «Послушай, что Я тебе скажу». И Он начал ясно и точно объяснять Алеф, Бет, Гимель, Далет, до конца алфавита. Наставник пришел в восторг и сказал: «Я думаю, что этот ребенок родился раньше Ноя», и, повернувшись к Иосифу, сказал ему: «Ты Его ко мне привел, чтобы я научил Его, ребенка, который знает больше, чем все мудрецы».

Хотя здесь нет прямого указания на Тайное Знание, все же более чем трудно допустить, что все поучения Иисуса касались бы только простой грамматики. Не таковы были Его слова, если учитель сознался в своем неведении и признал Его мудрейшим из мудрецов. Действительно, мы имеем самые разнообразные указания, что Христос оставил после Себя тайное учение, завещанное любимым ученикам и давшее толчок многочисленным гностическим школам.

---

⁹⁵ Первое издание «Евангелия отрочества» было сделано по арабской рукописи Генри Сайком в 1697 г. Тило проверил и вновь издал арабский текст. На немецком языке этот апокриф был издан четыре раза. В библиотеках Ватикана и Национальной Парижской имеется целый ряд манускриптов «Евангелия отрочества» на арабском и сирийском языках. Этот апокриф есть отзвук древнего утерянного «Евангелия Фомы».

Не говоря о Πίστις Σοφία и других апокрифических свидетельствованиях, – достаточно процитировать конец канонического Евангелия от Иоанна: «Многое и другое сотворил Иисус; но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг»⁹⁶.

Первые столетия христианской эры католическая церковь не только не чуждалась магических наук, но даже целый ряд святейших отцов были ревностными служителями герметических знаний. Sanctum sanctorum тайных учений являлись знаменитые Clavicules Solomonis⁹⁷. Эти «Ключики», по преданию, легли в основание оккультного завещания папы Льва III, известного под именем «Энхиридион»⁹⁸, переданного им императору Карлу Великому. «Ключики Соломона» были бесследно утеряны⁹⁹, хотя существуют некоторые указания, что будто бы они сохранились в рукописном отделе библиотеки Ватикана.

Первым, кто познакомил Европу с Таро, был Антуан Кур де Жебелен. В своем сочинении «Первобытный мир» (Le Monde primitive) он не только поставил своей целью показать мистическую ценность карт Таро, но и пытался дать им философское объяснение.

Карты Таро сильно видоизменяли свой внешний облик на пути веков. Сравнивая между собой египетское Таро, иероглифы которого описаны отцом Кирхером¹⁰⁰, с китайскими¹⁰¹ или вавилонскими¹⁰², мы можем убедиться в тождестве лишь после вдумчивого анализа. Карты, которые мы знаем, имеют еврейское происхождение и не древнее Карла VII. Наиболее старинным экземпляром является карточная игра Жакмена Грингоннера. Наряду с ними имеют особое значение карты Эттейлы. Лишенный всякого образования и будучи простым парикмахером, Жан-Батист Альетт, обладая большой интуицией, посвятил себя специально изучению Таро, и после тридцати лет работы и изучения различных мистических сочинений восстановил систему иероглифов Таро. Эти иероглифы были получены не только сравнением различных начертаний, но и путем тщательнейшего анализа символических аллегорий. Карты Альетта, или, как он каббалистически читал свою фамилию – справа налево, – Эттейлы¹⁰³, представляются, по-видимому, наиболее совершенными до настоящего времени. Со своей стороны, я внес, руководствуясь интуитивными восприятиями, лишь немногие дополнения, касающиеся главным образом красок, отдельных деталей и общей обстановки. Надлежит здесь заметить, что первое исторически известное появление цыган в Европе относится лишь к XV веку, причем их глава носил гордое имя «князя египетского». Загадка о происхождении этого народа, по-видимому, останется навеки неразрешимой. Кроме бесспорной связи с Египтом, цыгане имеют сродство и с другим полюсом Древнего мира – с Индией. Цыганский язык оказывается весьма близким к санскриту, и само имя их, под которым они известны Западной Европе, bohémiens, есть извращенное санскритское слово bo – hamī, что значит, «отойди от меня»¹⁰⁴.

Основателем герметической философии в Европе является знаменитый таинственный майоркский алхимик и философ Раймунд Луллий. Его личность окружена целым ореолом легенд, ему приписывается открытие философского камня и делание золота в огромных размерах для английского короля Эдуарда III, причем эти соверены из алхимического золота и по

⁹⁶ Иоан. 21:25.

⁹⁷ Ключики Соломона (лат.).

⁹⁸ Enchiridion Leonis Papae.

⁹⁹ Известные «Ключики», напечатанные в 1686 г. и потом вновь изданные в 1846 г. доктором Фаустом (т. I–IV, Штутгарт, 1846–1849), не одинаковы со старинными Clavicules Solomonis – см.: *Д-р Леман*. Иллюстрированная история суеверий и волшебства от древности до наших дней. Москва, 1901. С. 221.

¹⁰⁰ Kircher A. Oedipus Aegyptiacus. Roma, 1652–1654.

¹⁰¹ См. Vaillant J. A. Les Rômes: histoire vraie des vrais Bohémiens.

¹⁰² По мнению Е. П. Блаватской – «Истинные Таро с их полным символизмом находятся лишь на цилиндрах Вавилона, которые каждый может видеть и изучать в Британском музее и в других» (La Doctrine Secrète, traduction française, 5-e volume, Miscellanies. P. 120).

¹⁰³ Alliette – Etteilla.

¹⁰⁴ Mission de l'Inde en Europe.

сие время носят название Раймундин. Это последнее обстоятельство не помешало ему, однако, как истинному адепту умереть нищим. Другая легенда приписывала ему обладание quasi-бессмертием, и лишь после нескольких столетий тяжких страданий искупления за преступное вмешательство в течение законов природы он вымолил у Господа ниспослание смерти. Перу Раймунда Луллия принадлежат два глубоких исследования, где он пытался восстановить все величие Верховной Герметической Науки: *Ars Magna* и *De Auditu Kabbalistico, sive at omnes scientias introductorium*.

Учение Раймунда Луллия было воспринято его гениальным последователем Джордано Бруно. Преемственность своих взглядов и всю глубину своего восхищения пред Луллием Бруно выражает в своем труде *De compendiosa architectura et complemento artis Lulli*. Попытки воссоздать герметическую науку выразились у Бруно в целом ряде сочинений: *Cantus Circoeus*; *De Umbris Idearum*; *Della Causa, Principio ed Uno*; *Dell'Infinito Universo e Mondi*; *Degli Heroici Furori*; *De Minimo, Magno et Mensura*; *De Monade, Numero et Figura*; *De innumerabilibus, immenso et infigurabili, seu De Universo et Mundis*.

За Раймундом Луллием следует целый ряд авторов, писавших о Каббале для христиан. На первом месте стоит знаменитый исследователь области таинственного Джованни Пико делла Мирандола. Его *Conclusions Kabbalisticae* представляют собой основание капитальных исследований в этой области.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.